

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 12 / 2017

Журнал издаётся совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

Почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н.;

Мигушенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Суд и процесс: историко-правовые аспекты

- Фумм А.М.** К 185-летию издания Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных 3
- Сатанова А.М.** Наказания в виде лишения свободы по военным законодательным актам Петра Великого 6
- Кулачков В.В.** Общественные суды в жизни крестьянства 1920-х гг. (по материалам Клинцовского округа Западной области РСФСР) 11
- Аристархов А.А.** Развитие состязательной деятельности в российском уголовном процессе (анализ положений Соборного уложения 1649 года) 16
- Воскобойник И.О.** Формирование института представительства до принятия Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года 21
- Суязов В.В.** Возникновение и деятельность Дисциплинарного суда Императорского Санкт-Петербургского университета (1902–1917) 25
- Латышева Н.А.** Особенности реализации принципа выборности народных судей и народных заседателей в РСФСР в 60-е годы XX столетия 30
- ### Война и право: опыт истории
- Рубашкин В.В.** Некоторые аспекты правового регулирования деятельности временных органов советского государственного управления Кенигсбергской областью 35
- Утяшов Э.К.** Игнорирование частных интересов в условиях режима военного положения в Советской России: исторический аспект 39
- Кириченко Ю.Н., Михайликов В.А., Дубровский В.Ю., Попов А.М.** Совершенствование организационно-правовых основ деятельности НКВД СССР по поддержанию паспортного режима как одна из мер борьбы с немецко-фашистскими диверсантами и шпионами 43
- Шубин А.В.** Лазарев С.Е. Советская военная элита 1930-х годов 48
- Шкаревский Д.Н.** О работе следственного аппарата транспортной прокуратуры в начале 1930-х гг. 51
- Хаяли Р.И.** Организация советской прокуратуры: опыт Крымской АССР (1922–1936 гг.) 55
- Задерейчук И.П.** Формирование прокуратуры на территории Крыма в период крымских краевых правительств 60

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 26.05.2017.

Номер вышел в свет 06.07.2017.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 12 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Court and procedure: historical and legal aspects

- Fumm A.M.** To 185th Anniversary of Publication
of the Code of Institutions and Statutes
on Individuals in Custody and Exiled.....3
- Satanova L.M.** Punishments in Form of Deprivation
of Liberty under Military Statutory Instruments
of Peter the Great6
- Kulachkov V.V.** Social Courts in Peasantry Life in 1920s
(Based on Files of the Klinty District
of Western Region of RSFSR) 11
- Aristarkhov A.L.** Adversarial Activity Development
in Russian Criminal Procedure
(Analysis of Provisions of the Council Code of 1649) 16
- Voskoboynik I.O.** Representation Institute Establishment
before Adoption of the Statute of Criminal Procedure
of the Russian Empire of 1864 21
- Suyazov V.V.** Establishment and Activity of the Disciplinary
Court of the Saint Petersburg Emperor's University
(1902–1917) 25
- Latysheva N.A.** Peculiarities of Implementation
of People's Judge and People's Assessor Electivity Principle
in RSFSR in 60s of XX Century 30

War and law: historical experience

- Rubashkin V.V.** Some Aspects of Legal Regulation
of Activity of Interim Soviet State Government
Bodies of the Königsberg Region..... 35
- Utyashov E.K.** Disregard of Private Interests in Conditions
of Martial Law in Soviet Russia: Historical Aspect 39
- Kirichenko Yu.N., Mikhaylikov V.L., Dubrovsky V.Yu.,
Popov A.M.** Improvement of Organizational and Legal
Fundamentals of Activity of the NKVD of the USSR
to Support Passport Regime as Measure of Struggle
with Nazi Saboteurs and Spies 43
- Shubin A.V.** Lazarev D.E. Soviet Military Elite of 1930s..... 48
- Shkarevsky D.N.** On Operations of Investigative Branch
of Transport Prosecutor's Office in the Beginning of 1930s 51
- Khayali R.I.** Soviet Prosecutor's Office Arrangement:
Experience of the Crimean Autonomous Soviet
Socialist Republic (1922–1936)..... 55
- Zadereychuk I.P.** Establishment of Prosecutor's Office
on Crimea Territory at Time of the Crimean
Regional Governments 60

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 26.05.2017.
Issue was published 06.07.2017.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

К 185-летию издания Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных

Фумм Александра Михайловна,
начальник отдела
Научно-исследовательского института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент
yapok83@mail.ru

В статье приводится общая характеристика принятого 185 лет назад Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных в части тюремного заключения, делается вывод о необходимости учета исторического опыта развития пенитенциарной системы.

Ключевые слова: наказание, тюремное заключение, арестант, уголовно-исполнительное законодательство, содержание под стражей.

To 185th Anniversary of Publication of the Code of Institutions and Statutes on Individuals in Custody and Exiled

Fumm Aleksandra M.,
Department Head of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

The article gives a general description of the adopted 185 years ago, the Code of Institutions and Charters on detainees and exiles in the part of imprisonment concluded that it is necessary to take into account the historical experience of the development of the penitentiary system.

Key words: punishment, imprisonment, convict, penal enforcement legislation, detention.

Развитие института тюремного заключения во второй четверти XIX века характеризовалось продолжающейся систематизацией ранее разрозненных правовых актов. В апреле 1832 года был издан 15-томный Свод законов Российской империи (СЗ РИ), который строился по тематическому принципу. Основная часть норм о назначении и исполнении наказания в виде лишения свободы была собрана в XIV томе, названном Сводом учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных (далее также — Свод)¹. Хотя позднее в него несколько раз вносились изменения, в своей основе Свод оставался прежним и по праву считался первым единым для всего государства нормативным актом, регламентировавшим условия применения наказания в виде лишения свободы.

Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных был разбит на две книги, первая из которых относилась к тюремному заключению, а вто-

рая — к ссыльным. В общей сложности в книгах было 832 статьи, из которых 171 была посвящена заключению в тюрьму. Такое соотношение норм о тюрьме и ссылке полностью отражало роль последней в истории России. Начиная с Соборного Уложения 1649 года ссылка в различных ее проявлениях интересовала законодателя гораздо больше, чем тюремное заключение.

Следует отметить, что нормы этого документа касались только гражданских лиц. Военнослужащие, совершившие преступления, помещались в крепости и на гауптвахты, а их содержание регулировалось специальными нормативными актами. В качестве наказания могло применяться заточение в монастырь, однако эти вопросы не входили в сферу применения норм Свода, а регламентировались церковными постановлениями².

Основными источниками Свода стали Инструкция для офицера военного карау-

¹ Свод законов Российской империи. Т. 14 (Уставы благочиния). СПб., 1833. (Далее — СЗ РИ.)

² Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. С. 197.

ла Петербургской тюрьмы 1799 года, Положение о должности смотрителя тюремного замка в Москве и о должности караульного офицера в тюремном замке 1804 года и Общая тюремная инструкция 1831 года.

Круг проблем, решаемых в Своде, был достаточно широк и разнообразен: управление местами заключения, условия и порядок содержания под стражей, обеспечение арестантов одеждой и питанием, их лечение, строительство и ремонт тюрем, перевод и пересылка арестантов и пр. Кроме того, данный закон включал отдельную (третью) главу, касавшуюся содержания арестантов в смиренных и работных домах (ст. 148–171).

Интересно заметить, что ст. 1 Свода достаточно четко определяла понятие «содержание под стражей». Оно «употребляется: или как средство охранения лица, обвиняемого в преступлении, доколе не будет решено, виновен ли он, или нет; или как мера наказания».

Свод закреплял и систему мест лишения свободы для заключенных: арестные помещения при полиции, управах благочиния, «на съезжих дворах», тюрьмы или остроги в городах, смиренные и работные дома, а также гауптвахты, крепости, а в некоторых случаях и монастыри (ст. 2). Основным местом лишения свободы оставался острог, который находился практически в каждом губернском или уездном городе и предназначался для лиц, совершивших довольно серьезные уголовные преступления. Перечисленные в Своде места заключения на территории государства были подчинены двум министерствам — внутренних дел и юстиции, а на местах — губернаторам, прокурорам, приказам общественного призрения и отделениям Общества попечительного о тюрьмах. Начальником тюрьмы являлся смотритель из числа полицейских чинов, в его подчинении находились надзиратели и конвойная стража. Тюремные замки содержались за счет государственной казны, а их отопление и освещение производилось из местных бюджетов.

Сроки тюремного заключения в большинстве случаев не указывались. Однако при наличии в статье указания на срок лишения свободы он практически всегда был небольшим (от 3 до 14 дней, три и шесть месяцев). Следует отметить, что составы многих преступлений и санкции за их совершение были определены недостаточно четко. Вместо назначения какого-либо вида наказания Свод содержал следующие формули-

ровки: «поступить по законам», «наказать по мере вины», «судить как ослушника законов», «наказать по всей строгости законов»³.

В соответствии с положениями Свода (ст. 19–23) арестанты должны были содержаться раздельно по признакам пола, возраста, сословия, вида и характера совершенного преступления. Свод употреблял название «тюрьма» как более широкое, охватывающее «тюремный замок» и «острог». Эти места заключения предназначались для лиц, совершивших серьезные преступления; однако зачастую туда помещались даже несостоятельные должники. В смиренных и работных домах содержались нарушители различных административных правил и предписаний, а также обвиняемые и осужденные за воровство. На практике такое разграничение проводилось далеко не всегда, так как мест заключения всегда не хватало⁴.

Интересны некоторые положения Свода относительно полномочий и ответственности начальника тюрьмы и стражи (ст. 29–33). Закон устанавливал достаточно строгие взыскания для лиц, виновных в побеге арестантов. Обо всех происшествиях в тюрьме, а также о ходе их расследования администрация места заключения была обязана доносить императору. Вот, что было предписано по этому поводу в статьях рассматриваемого нормативного акта: «За упуск арестантов из-под стражи караульные или конвойные нижние чины подлежат взысканию, а Начальники их ответственности, в Своде Военных Законов определенным... О побегах арестантов Воинские Начальники обязаны доносить Государю Императору тем же порядком, как определено о других происшествиях»⁵. Начальнику и другим должностным лицам тюремного замка запрещалось использовать труд арестантов для собственных нужд; за нарушение этого правила они подвергались дисциплинарной ответственности. Но на практике это предписание нередко нарушалось, а нарушения оставались безнаказанными.

Свод все еще сохранял бритье головы, содержание заключенных в кандалах и иные

³ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 6. М., 1988. С. 161.

⁴ Брылева Е.А. Особенности содержания под стражей в Российской империи отдельных категорий населения // История государства и права. 2016. № 10. С. 62.

⁵ СЗ РИ. Т. 14 (Уставы благочиния). СПб., 1833. С. 365.

способы ограничения свободы передвижения арестантов. Однако он предусматривал максимальный вес кандалов, запрещал накладывать ножные кандалы на женщин и наказывать данным способом малолетних преступников и дворян (ст. 85–90).

Свод регламентировал также и положение заключенных в тюрьме, их питание, лечение, обучение и работу. Слишком много внимания, на наш взгляд, законодатель уделял вопросам отчетности о расходовании кормовых денег (в некоторых случаях — отдельно для каждой губернии), что явно противоречило назначению данного правового акта. В этой связи следует отметить, что до принятия Свода данное положение регулировалось постановлением Комитета министров от 1816 года, утвержденным императором. Была составлена специальная табель с учетом цен на продукты питания в каждой губернии, а количество пищи для арестантов определялось из расчета на солдатский паек⁶.

Что касается тюремного режима, то его в большей степени определяла Общая тюремная инструкция 1831 года, которая была приложена к Своду и разослана по местам⁷. Арестанты содержались в тюрьмах за счет государственной казны, но могли использоваться на различных внутренних и внешних работах, за исключением сбора милостыни. Для сбора пожертвований при тюрьмах, церквях, на базарах и в других общественных местах выставлялись кружки с печатью Общества попечительного о тюрьмах. За выполнение работ все арестанты получали денежное вознаграждение, определенная часть которого шла на улучшение условий их содержания в тюрьме, а также на обустройство самого места заключения.

Впервые в российской истории законодатель уделил серьезное внимание проблеме лечения арестантов (ст. 94–100 Свода). До этого при решении данного вопроса применялось Высочайше утвержденное в 1806 году «наставление, служащее руководством врачам, принимающим арестантов в тюрьму»⁸. В главе 7 Свода подробно регулировались такие вопросы специального характера, как выделение лекарств, обследование арестантов, погребение умерших:

«Врачебная Управа, собирая сведения о больных арестантах, соображает с оными расход лекарств, не оставляя без взыскания ни малейших упущений со стороны врачей... Врачебная Управа, имея строгое наблюдение за действиями Врачей по сему предмету, отвращает всякое излишество и беспорядки... За содержание больного и погребение умершего арестанта тюремное заведение получает из казны деньги по ценам, ежегодно устанавливаемым»⁹.

Нравственное исправление арестантов основывалось на религиозных началах. Для этой цели при тюрьмах устраивались церкви, а в штат тюремных замков вводились священники различных вероисповеданий, которые отправляли службы и следили за исполнением заключенными необходимых религиозных обрядов.

В целом Свод довольно поверхностно затрагивал многие проблемы организации тюремного дела. Но названия его разделов намечали основные тенденции в развитии тюремной системы, которые нуждались в дальнейшей разработке и законодательном закреплении¹⁰.

Большой интерес вызывают упоминавшиеся приложения к Своду, среди которых особенно следует выделить Правила о составлении и издании табели по кормовым деньгам для арестантов в местах их содержания, состоявшие из шести статей¹¹. Например, ст. 1 Правил гласила, что «при расчете необходимых средств на каждого арестанта в расчет берется солдатский паек. Однако улучшенная пища (мясо, рыба) относится на счет взносов от благотворителей». Кроме того, гражданские губернаторы ежегодно в сентябре представляли в Министерство внутренних дел ведомости о ценах на необходимые продукты, имевшиеся в каждом регионе. Министерство, в свою очередь, составляло табель о расходах, который рассылался на места только с согласия императора. Любое изменение в табели также должно было Высочайше утверждаться. Данные факты свидетельствовали, на наш взгляд, о пристальном внимании правительства к питанию арестантов. Подключая к данной проблеме местные власти, центральные органы пытались таким образом заста-

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 291. Л. 1–4.

⁷ СЗ РИ. Т. 14. Приложение № 1. С. 506–537.

⁸ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собр. первое. Т. XXIX. № 22282.

⁹ СЗ РИ. Т. 14. Приложение № 3. С. 378–379.

¹⁰ Захаров В.В. Экономика дореформенного правосудия (вторая треть XIX в.) // История государства и права. 2014. № 23. С. 8.

¹¹ СЗ РИ. Т. 14. Приложение № 1. С. 537, 538.

вить их по возможности самостоятельно решать текущие вопросы тюремной сферы¹².

Таким образом, Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей и о ссыльных, претерпевший три редакции (1842, 1857 и 1890 гг.), стал первым отечествен-

ным систематизированным актом уголовно-исполнительного характера. Тюремному заключению в нем отводилось все еще небольшое место, нередко встречались расплывчатые формулировки, толкование которых могло быть двояким. К сожалению, многие положения Свода из-за плохого состояния тюрем на местах так и остались невыполненными. Это и понятно: нужны были годы и огромные финансовые затраты, чтобы места заключения России обрели достойный вид.

¹² Яковлева О.Н. Министерство юстиции Российской империи в системе надзора за местами лишения свободы // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 3–4 (49–50). С. 63.

Литература

1. Брылева Е.А. Особенности содержания под стражей в Российской империи отдельных категорий населения / Е.А. Брылева // История государства и права. 2016. № 10. С. 61–64.
2. Захаров В.В. Экономика дореформенного правосудия (вторая треть XIX в.) / В.В. Захаров // История государства и права. 2014. № 23. С. 6–11.
3. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 6. М., 1988. 432 с.
4. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития / И.В. Упоров. СПб., 2004. 610 с.
5. Яковлева О.Н. Министерство юстиции Российской Империи в системе надзора за местами лишения свободы / О.Н. Яковлева // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 3–4 (49–50). С. 58–65.

Наказания в виде лишения свободы по военным законодательным актам Петра Великого

*Сатанова Лейла Муслимовна,
доцент кафедры права Университета Нархоз,
кандидат юридических наук, доцент
satanova1969@mail.ru*

В данной статье исследуется период формирования регулярной армии в России Петром I на основании и по образцу военного дела западноевропейских стран.

Период создания регулярной армии сопровождался изданием специальных законов для всех войсковых структур. Особое внимание в данной статье уделяется видам наказаний, которые предусматривались целым рядом законодательных актов, принятых в период правления Петра I. Исследуются тенденции применения в обозначенный исторический период лишения свободы в законах Воинская статья А. Вейде, Уложение Шереметьева, Краткий артикул, Воинский устав 1716 г.

В статье рассматриваются наказания, которые чаще всего применялись в русской армии для поддержания порядка и дисциплины. Описываются характерные для того времени способы их исполнения, жестокость и бесчеловечность.

Ключевые слова: Петр I, регулярная армия, лишения свободы, Воинский устав, наказания, шпицрутень.

Punishments in Form of Deprivation of Liberty under Military Statutory Instruments of Peter the Great

*Satanova Leyla M.,
Assistant Professor of the Department of Law of the Narxoz University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

This article explores the period of formation of a regular army in Russia by Peter I on the basis of the pattern and military affairs of the West-European countries.

When created a regular army was accompanied by the publication of special laws for all military structures. Particular attention in this article is given to types of punishments, which were provided by a number of legislative acts adopted during the reign of Peter I. We study the trend in the use of designated historical period of imprisonment in laws Military article A. Weide, Code of Sheremetyevo, Brief Marking Military Charter in 1716.

The article deals with the punishment, which are often used in the Russian army to maintain order and discipline. It describes the characteristic of the time of their execution methods, cruelty and inhumanity.

Key words: Peter I, regular army, prison, military regulations, penalties, shpizruten.

В 1699 г. Петр Великий приступил к трудному, но великому делу — созданию регулярного, или, как он сам выражался, «настоящего войска»¹.

Ближайшими соратниками царя в этом деле стали иностранные советники: генерал Гордон, адмирал Лефорт и генерал Адам Адамович Вейде, автор Воинского устава. Регулярное войско было организовано по образцу войск Западной Европы XVII в. Все же основной базой для создания новой армии послужили вооруженные силы предшествующей исторической эпохи. Для вновь образованного войска потребовались новые учреждения, уставы и законы. Таким образом, на рубеже XVIII в. определилось и заложило свое начало русское военное право.

Статьи воинские А. Вейде. Первым в этой области был труд адмирала Вейде, а именно «Статьи Воинския, какъ надлежитъ солдату въ житіи себя держать и въ строю и въ ученіи обходиться». В документе содержалось восемь статей, которые регулировали военную службу нижестоящих чинов и были составлены «для удержанія порядка и дисциплины при обученіи новоучрежденной пехоты». Обучение новообразованных полков было поручено генералу Автоному Автономовичу Головину, который, как видно из его донесения царю от 23 марта 1700 г., широко применял к солдатам карательные меры, установленные статьями данного закона. В числе карательных мер встречается «взятие под карауль» на 1 или 2 сутки (за несвоевременную явку в караул), ношение мушкетов по 3 и 5 штук по два часа, «шпицрутен» (в русской императорской армии телесное наказание шпицрутенами было введено Петром I в 1701 г. и применялось в сухопутных войсках. Осужденного заставляли проходить сквозь строй из 100–800 солдат, которые прутья-

ми били его по спине. В начале XIX в. число ударов доходило до 6 тыс. В этом случае «прогнание сквозь строй» было равносильно смертной казни. В России шпицрутены были отменены 17 апреля 1863 года)², батоги (битье палками) и др.

Кроме того, Вейде составил Воинский устав, в котором были собраны некоторые военно-административные законоположения и строевой устав. До наших дней сохранилась только часть этого устава, восстановленная по приказу Николая I в 1841 г.

Шереметьевское уложение. Следующим законодательным памятником того времени по военному праву является «Уложение, или право воинскаго поведения генераламъ, среднимъ и меньшимъ чинамъ и рядовымъ солдатамъ», изданное в 1701 или 1702 гг. с разрешением Петра Великого фельдмаршалом Борисом Шереметьевым. Это уложение, которое позже стало называться Шереметьевским, как свидетельствуют иностранные писатели³, имело широкое применение в молодой Петровской армии. В этом Уложении, предусматривавшем преимущественно воинские преступления, в качестве санкции применяется наказание лишением свободы: 1) арест, т. е. содержание под караулом и «посажение в железо» на время не более 7 суток и 2) каторга, т. е. лишение свободы на более продолжительное время (без назначения срока). По мнению историков, «посажение в железо» было ничем иным, как заковыванием в железные цепи, оковы или колодки. Подобного рода наказание широко практиковалось на западе не только как общее, но и как воинское. Железа надевались на руки или на ноги и даже на шею виновному. Второе наказание упоминалось в Уложении только один раз, а именно за повторную кражу и за татьбу (похищение) с насильем⁴. Из других взыска-

¹ Бобровский П.О. Военное право в России при Петре Великом: Артикул воинский, с объяснениями преобразований в военном устройстве и в военном хозяйстве по русским и иностранным источникам. Ч. 2: Вып. 2. Спб.: Тип. В.С. Балашева, 1886. С. 151.

² URL: www.ru.wikipedia.org

³ Шмидт Ф. Начертание о начале и успехах в устройении регулярного войска и морского флота в России. М., 1798. 134 с.

⁴ Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра

ний, установленных Шереметьевским уложением, следует отметить ношение оружия на срок до одной недели, чередуя с отдыхом, который давался на час через каждые два часа. Действие Шереметьевского уложения распространялось на всех военнослужащих.

Краткий артикул. Из последующих военных законоположений заслуживает внимания Артикул краткий, составленный путем выборки статей «изъ древнихъ христіанскихъ воинскихъ правъ, иже о богобоязни и о наказаніи различныхъ злостей... Также о команде, о остророжности, храбрости и како имеютъ въ квартирахъ и обозахъ воинскіе генеральные и полковые суды и особливые должности, по различію чиновъ». Этот Краткий артикул, в печатном виде более известный на немецком языке под названием *Moskowitzisches Kriegs-Reglement*, был издан впервые в Петербурге в 1706 г. Из научных исследований Розенгейма, Пекарского, проф. Кистяковского и Шендзиковского⁵, должен был служить не только воинским, но и общеуголовным кодексом для иностранцев, служивших в русских войсках.

Из 12 глав Краткого артикула (114 статей) пять посвящены общим преступлениям и четыре — воинским. Таким образом, в Артикуле совершенно отчетливо выделялись отдельно воинские преступления. Еще большего внимания заслуживает данный законодательный акт в том отношении, что в нем впервые были выделены дисциплинарные взыскания, которые назначались без суда по приказу офицера, имевшего «высшую команду на месте», от наказаний, по решению суда. По системе Артикула, дисциплинарными взысканиями являлись: батоги, арест в железах, прикование к полу, ношение фузей (ружей) и посажение на «деревянную кобылу» (т. е. на укрепленное на козлах деревянное бревно для гимнастических упражнений), носило скорее позорящий характер, так как вызывало насмешки товарищей по службе); к наказаниям, налагаемым по суду, Артикул относил: лишение живота (казнь), чести и чина и «наказания на теле», т. е. членовредительные наказания. Интересно отметить, что, по Краткому артикулу, офицеры не подвергались телесному наказанию, а штаб-офицеры, более того, не подвергались аресту, кроме до-

машнего, т. е. не могли быть взяты «под караул». Некоторая разница в наказаниях была установлена для рядовых и унтер-офицеров.

В действительности наказания устанавливались по своему усмотрению, и не всегда соблюдались предписания закона. В одном из писем генерала Автонома Головина Петру Великому сообщалось об исключении из Преображенского полка прапорщиков Хмелевского и Пухорта и что они «дела своего не знают и гуляки...», «множды сидели под караулом и в строю множды тростями биты»⁶.

В качестве особенности Краткого артикула можно указать на крайнюю ограниченность в нем наказания лишением свободы. Не упоминалась даже каторга, которая часто встречалась в Шереметьевском уложении. Единственным видом лишения свободы, по Краткому артикулу, являлся кратковременный арест: 1) простой и 2) с «посажением в железо» или с прикованием к полу.

Такая ограниченность в применении наказания в виде лишения свободы объяснялась, по-видимому, непродолжительностью в то время военной службы иностранцев в рядах русских войск, так как поступали они на службу по найму, в силу чего правительство стремилось наиболее продуктивно использовать их в интересах службы.

Воинский устав 1715 года. Наконец наиболее значительным законодательным памятником эпохи Петра Великого представляется Воинский Устав 1715 года⁷, состоящий из трех частей⁸: 1) Устав Воинский о должностях генералов, фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведеньях, что каждому чинить должно; 2) Воинский артикул и Краткое изображение процессов и 3) Об экзерциций (упражнения) и приуготовлении к маршу и должности полковых чинов.

Собственно, законы о преступлениях и наказаниях были изложены в Воинском артикуле и отчасти в Патенте о поединках, помещенных в первой части устава. Рассматривая эти части Воинского устава, следует отметить, что они составляют первый полный военно-уголовный кодекс, изданный

Великого. СПб., 1878. С. 69–70, 269–294.

⁵ Пекарский П.П. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. 728 с.; Кистяковский А.Ф. Библиографические заметки в «Журнале Гражданского и Уголовного Права». 1879. С. 282–294.

⁶ Азанчевский М.П. История Преображенского полка. М.: Катков и Ко, 1859. С. 29.

⁷ П.С.З. Т. V. № 3060.

⁸ Происхождение артикула воинского и изображения процессов Петра Великого по Уставу воинскому 1716 г.: Ист. исслед. П.О. Бобровского. (2-е изд., с доп. пояснениями). СПб.: тип. В.С. Балашева, 1881. 46 с.

специально для русского войска и получивший самое широкое применение. Более 100 лет, в продолжении всей рассматриваемой в данной статье эпохи, т. е. от образования регулярной армии и до учреждения военного министерства в царствование императора Александра I, на основании исключительно уголовного кодекса отправлялось правосудие и регулировались правовые отношения в войсковых структурах. Данный Устав в обозначенный период издавался 15 раз практически без изменений⁹. Указом 10 апреля 1716 г. действие Воинского артикула было распространено и на гражданское ведомство и получило, таким образом, значение общеуголовного кодекса.

Принципиально новый по содержанию военно-уголовный устав будет принят только в 1839 г.

Таким образом, хотя Воинский устав 1715 г. и представляется по существу кодексом иностранного происхождения, но на нем, собственно говоря, воспиталась русская армия, установилась в ней вся последующая структура, определились права и обязанности, полномочия войсковых чиновников, установилась внутривойсковая дисциплина и даже вся система обучения. Из этого прямо следует, что значение Воинского артикула для русской армии невозможно переоценить. Значительную роль Воинский артикул сыграл и в формировании военно-карательных учреждений, так как названный документ являлся законодательным руководством для целой эпохи становления карательных учреждений в России. Эти учреждения представляются наиболее интересными для настоящего исследования.

Система наказаний по Воинскому уставу. Названный нормативный акт определяет пять категорий наказаний: 1) обыкновенные телесные — ношение мушкетов или сёдел; заключение, закование рук и ног в железа, содержание на хлебе и воде, сидение на «деревянных кобылах», хождение на деревянных кольях и битье ботогами; 2) жестокие телесные наказания — тяжелое заключение, прогнание сквозь строй (шпицрутены), наказание посредством палача кнутом, клеймение железом, обрезание ушей, отсечение руки или пальцев и ссылка на каторгу вечно или на несколько лет; 3) смертные казни — «застрелением, мечом, виселицею, колесом, четвертованием и огнем».

⁹ В 1716, 1719, 1735, 1748, 1754, 1777, 1780, 1785, 1796, 1804, 1808, 1810, 1814, 1820 и 1826 гг.

Приведенная выше система наказаний указана не в самом Воинском артикуле, а в кратком изображении процессов, в статьях же Воинского артикула некоторые из этих видов наказаний совершенно не упоминаются, зато встречаются такие наказания, о которых не говорится в кратком изображении процессов. В этом заключалась некоторая особенность внутреннего содержания названного документа.

Следует также отметить, что на первый взгляд Воинский артикул в части наказания военнослужащих за совершенные уголовные правонарушения соблюдал принцип равенства наказания независимо от статуса и занимаемого воинского чина. Но эта особенность не являлась принципиальной, скорее она была случайной. Законодательный акт в этом вопросе не устраняет разницу в наказании офицеров и нижних чинов. От телесного наказания офицеры по Воинскому артикулу не были освобождены, и только в эпоху царствования Екатерины II, в 1785 г., офицеры вновь были освобождены от подобного унижительного наказания. Военные суды того времени крайне редко назначали офицерам телесные наказания.

Наказания лишением свободы по Воинскому артикулу. Лишение свободы не являлось самостоятельным и самодостаточным наказанием. Лишение свободы относилось к категории телесного наказания.

Прежде чем перейти к более детальному рассмотрению принципов и видов наказания лишением свободы по Петровскому законодательству, следует дать общую характеристику этого законодательства и принятой в нем системы наказания.

Общая характеристика военных кодексов Петра Великого. При образовании армии по образцу европейских государств Великий реформатор неизбежно был вынужден заимствовать у иностранных государств и те уставы, которые регулировали бы отношения в войсковых структурах, так как Россия в то время имела небольшое количество войск иностранного происхождения, в силу чего в условиях несовершенства военного дела на Руси в военном праве не было никакой необходимости. Очевидно также, что воинские уставы Петра I не могли являться результатом национального законодательства. Из данного утверждения следует, что правовое положение военнослужащих в XVIII в. в России складывалось по западноевропейскому образцу.

Петр Великий накануне войны со Шведией времен Карла XII был вынужден реши-

тельно преобразовывать вооруженные силы России в спешном порядке. В течение 10–15 лет сменялись недоработанные и недостаточно продуманные кодексы, пока наконец не сформировались окончательный состав и организация русского войска. И в этот исторический период правления Петра I появляется тот законодательный акт, который более чем на 100 лет стал основополагающим документом в деле регулирования правовых отношений в русском войске.

Безусловно, данный нормативный документ всецело отражал передовые правовые воззрения Западной Европы, в частности, что касается определения преступления и принципов наказания. Господство инквизиционной формы процесса, с одной стороны, принцип устрашения путем жестокости наказания и борьбы таким способом с преступностью — с другой, определили суть и характер наказания за совершение воинских преступлений. Именно такое положение правовой ситуации в описываемое время установило широкое применение ужасающих своей жестокостью наказаний с причинением все более мучительного физического страдания, масштабное применение изувечивающих и членовредительных видов наказания, а также применения принципа материального тальона.

На этом фоне наказанию лишением свободы отводится незначительное место. Период правления Петра Великого отмечается бурными историческими событиями, как то решительные и спешные реформы практически во всех сферах государственной структуры, постоянные военные действия, приведшие Россию к финансовому истощению, внутри государства не прекращаются восстания и смуты, армия требует огромных материальных затрат на свое преобразование. В этих условиях даже мысль о создании каких бы то ни было военно-тюремных учреждений представлялась делом неосуществимым. Тем не менее по сравнению с предшествовавшими эпохами можно отметить, что лишение свободы как воинское наказание не только приобрело в законодательстве Петра I признание, но даже виды применения этого наказания постепенно умножались и развивались.

Нижеприведенные данные наглядно показывают тенденцию применения наказания в виде лишения свободы по различным воинским кодексам Петра I.

1. Воинская статья А. Вейде: 1) ношение мушкетов; 2) взятие под караул.

2. Уложение Шереметьева: 1) посажение в железа; 2) содержание под караулом; 3) каторга.

3. Краткий артикул: 1) ношение ружей (фузей); 2) посажение в железо; 3) прикование к полу; 4) посажение на «кобылу»; 5) взятие под караул.

4. Воинский устав 1716 г.: 1) ношение мушкетов и сёдел; 2) закование в железо; 3) сидение на «кобыле»; 4) арест; 5) содержание на хлебе и воде; 6) тюремное заключение; 7) каторга или галеры; 8) ссылка.

Таким образом, позднейший Петровский кодекс — Воинский артикул — устанавливает вполне определенную и достаточно развитую систему наказаний лишением свободы. Воинский артикул различает «жестокое заключение», отягченное «закование в железо»¹⁰, от «сносного заключения»¹¹ и, наконец, «простого заключения»¹².

Причем «жестокое заключение» стоит в ряду наказаний перед шпицрутенами и применяется к рядовым как единственный за данное преступление род наказания. В некоторых артикулах, впрочем, можно найти различные сроки этого заключения¹³.

Встречаемые в артикулах указания на «тюрьму»¹⁴ и «арест»¹⁵ не дают четкого определения и последовательности применения того или иного наказания. Эти же виды наказания могли оказаться в числе дисциплинарного воздействия. Следует предположить, что данные меры должны были быть отнесены к низшим видам наказаний лишением свободы.

В заключение следует отметить, что рассмотренная выше система наказаний лишением свободы по законам Петра Великого нисколько не совпадала с действительными реалиями жизни, где применялись бы эти установления. На практике имело место применения иных форм наказания, которые не предусматривались действующим законодательным актом. Каждый вид наказания лишением свободы заслуживает отдельного исследования, что является дальнейшей целью и областью исследования автора.

¹⁰ Воинский артикул. Арт. 1, 6, 10, 12, 38, 48, 76, 77, 151 // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm>

¹¹ Там же.

¹² Там же. Арт. 21, 34, 85.

¹³ Там же. Арт. 6, 10, 151.

¹⁴ Там же. Арт. 203.

¹⁵ Там же. Арт. 11.

Литература

1. Бобровский П.О. Военное право в России при Петре Великом: Артикул воинский, с объяснениями преобразований в военном устройстве и в военном хозяйстве по русским и иностранным источникам. Ч. 2: Вып. 2 / Бобровский П.О. СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1886. 808 с.
2. Кистяковский А.Ф. Библиографические заметки в «Журнале Гражданского и Уголовного права». 1879. С. 282–294.
3. Происхождение артикула воинского и изображения процессов Петра Великого по Уставу воинскому 1716 г.: Ист. исслед. П.О. Бобровского. (2-е изд., с доп. пояснениями). СПб. : тип. В.С. Балашева, 1881. 46 с.
4. URL: www.ru.wikipedia.org
5. Азанчевский М.П. История Преображенского полка / М.П. Азанчевский. М. : Катков и Ко, 1859. 399 с.
6. Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого / М.П. Розенгейм. СПб., 1878. С. 294–313.
7. Шмидт Ф. Начертание о начале и успехах в устройении регулярного войска и морского флота в России / Ф. Шмидт. М., 1798. 134 с.
8. Пекарский П.П. Наука и литература при Петре Великом / П.П. Пекарский. СПб. 1862. 728 с.
9. Кистяковский А.Ф. Библиографические заметки в «Журнале Гражданского и Уголовного Права», 1879. С. 282–294.

Общественные суды в жизни крестьянства 1920-х гг. (по материалам Клинецовского округа Западной области РСФСР)

*Кулачков Вадим Витальевич,
доцент кафедры философии, истории и социологии
Брянского государственного
инженерно-технологического университета,
кандидат исторических наук, бакалавр юриспруденции
vad2517@yandex.ru*

В данной статье рассматривается роль общественных судов в жизни крестьянства 1920-х гг. по материалам Клинецовского округа Западной области РСФСР. Рассмотрение деятельности общественных судов в форме примирительных камер происходило достаточно активно, однако существуют пробелы в изучении региональной специфики их деятельности. Общественные суды создавались в конце 1920-х гг. с целью разгрузки народных судов и в соответствии с государственной политикой в судебной сфере. Главными целями провозглашались приближение суда к населению и упрощение порядка разбора мелких бытовых дел. На территории Клинецовского округа Западной области РСФСР, как и в других регионах, члены примирительной камеры избирались в количестве 12 человек сроком на один год. На местах проводились периодические проверки деятельности изучаемой формы общественных судов, в ходе которых выявлялись как позитивные, так и негативные стороны в их работе. Следует отметить, что в целом организация примирительных камер встречалась крестьянством положительно. Несмотря на определенные недостатки, деятельность общественных судов в таком виде способствовала повышению правовой культуры деревни, росту юридической грамотности, уменьшению обращений в народные суды. В результате эффективности работы примирительных камер в 1930 г. на их основе были сформированы сельские общественные суды.

Ключевые слова: общественные суды, примирительные камеры, крестьянство, Клинецовский округ, Западная область РСФСР, правосудие.

Social Courts in Peasantry Life in 1920s (Based on Files of the Klintsov District of Western Region of RSFSR)

*Kulachkov Vadim V.,
Assistant Professor of the Department of Philosophy, History and Sociology
of the Bryansk State Technological University of Engineering,
Candidate of Historical Sciences, Bachelor of Jurisprudence*

This article discusses the role of public courts in the lives of the peasantry of the 1920s, according to the materials of klintsovskiy districts of the Western region of the RSFSR. A review of the activities of public vessels

in the form of conciliation chambers have been quite active, however, there are gaps in the study of regional specificity of their activities. Public courts were created in the late 1920s with the purpose of unloading the people's courts in accordance with the state policy in the field of judicial cooperation. The main objectives proclaimed the approach of the court to the population and simplification of the analysis of small household Affairs. On-site klintsovskiy districts of the Western region of the RSFSR, as in other regions, the members of the conciliation chamber was elected in the amount of 12 people for a period of one year. Field conducted a periodic review of the activities of the studied forms of social vessels, in which were revealed both positive and negative aspects in their work. It should be noted that in General, the organization of conciliation chambers met the peasantry positively. Despite some shortcomings, the activities of the public courts like this have contributed to raising the legal culture of the village, increase legal literacy, reduction of appeals to the people's courts. As a result of the effectiveness of conciliation chambers in 1930, on their basis was formed by the rural public courts.

Key words: public courts, conciliation chamber, peasantry, klintsovskiy district, Western region of the RSFSR, justice.

В жизни крестьянства эпохи новой экономической политики продолжали существовать традиции примирения общинного и волостного дореволюционного судопроизводства. Этому в немалой степени способствовала деятельность общественных судов в форме примирительных камер, организуемых при сельских советах. Целью данной статьи является рассмотрение роли общественных судов в жизни крестьянства 1920-х гг. по материалам Клинецовского округа Западной области РСФСР¹.

Изучение деятельности общественных судов в форме примирительных камер началось практически с момента их создания. Как правило, в 1920-е гг. историография изучаемого вопроса представлена небольшими брошюрами и статьями². В дальнейшем

рассмотрение деятельности общественных судов в форме примирительных камер продолжалось в работах более общего плана, где главной целью было изучение истории судебных структур в целом. К наиболее фундаментальным работам в этом смысле относится исследование М.В. Кожевникова «История советского суда», которое впервые было опубликовано в 1948 г.³ Кроме того, следует выделить работу Е.И. Филиппова, посвященную изучению товарищеских судов⁴.

В современной отечественной историографии изучением данной тематики в разное время занимались О.Н. Мигущенко и Е.В. Брыжинская⁵. В монографии О.Ю. Винниченко и О.И. Филоновой в контексте изучения модернизации судебной системы в период НЭПа уделяется внимание и роли общественных судов⁶. Л.В. Алиева и И.В. Кацуба отдельно рассматривали роль сельских исполнителей как служащих сельских советов, наделенных полномочиями по практической реализации решений примирительных камер⁷. Таким образом, несмо-

¹ Под Клинецовским округом в данной статье понимается административно-территориальная единица Западной области РСФСР, которая существовала в 1929–1930 годах. Округ был разделен на 13 районов, центром был г. Клинцы. После упразднения 30 июля 1930 года Клинецовский округ, как и большинство остальных округов СССР, вошел в прямое подчинение Западной области.

² Лаговиер Н. Как организовать примирительные камеры (сельские суды) при сельсоветах: пособие для сельсоветов, сельского актива и примирительных камер. М.: Власть Советов, 1930. 62 с.; Уфимский. Нужно ли создавать примирительные камеры при сельсоветах // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 1. С. 14–15; Махмудов И. Примирительные камеры при сельсоветах // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 6. С. 164–165; Осипович В. Примирительные камеры при сельсоветах // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 15. С. 463–464; Зенькович В. Не ошибка, а совершенно необходимая мера (об организации специальных примирительных камер при сельсоветах для разбора мелких крестьянских исков) // Ежедневник советской юстиции. 1927. № 44. С. 1368–1369.

³ Кожевников М.В. История советского суда / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юридическое издательство МЮ СССР, 1948. 376 с.

⁴ Филиппов Е.И. История товарищеских судов в РСФСР. Ростов н/Д.: б. и., 1982. 111 с.

⁵ Мигущенко О.Н. Деятельность сельских исполнителей и примирительных камер при сельских Советах как методы формирования правосознания сельского населения в 1928–1934 гг. // Российская юстиция. 2008. № 4. С. 65–67; Брыжинская Е.В. Организация и деятельность судов общественной самодеятельности на территории в 1928–1937 гг. // Регионоведение. 2006. № 3. С. 254–263.

⁶ Винниченко О.Ю., Филонова О.И. Модернизация судебной системы в период НЭПа: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. 172 с.

⁷ Алиева Л.В. Сельский исполнитель в пространстве власти русской деревни 1920–1930-х гг. //

тря на отдельные работы, посвященные теме статьи, существует необходимость в дальнейшем изучении региональной специфики функционирования общественных судов в форме примирительных камер.

Общественные суды были созданы в конце 1920-х гг. с целью разгрузки народных судов и в соответствии с государственной политикой в судебной сфере. По итогам проверки деятельности судебных органов рабоче-крестьянской инспекцией РСФСР было предложено передать рассмотрение мелких исков до 15 руб. из производства народных судов в примирительные камеры, которые ежегодно избирались при сельских советах. Народный комиссариат юстиции РСФСР приступил к разработке проекта положения о примирительных камерах при сельских советах⁸.

Работа в данном направлении продолжалась, и 16 февраля 1928 г. были утверждены Проект Постановления ВЦИК и СНК РСФСР о товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях и Проект Постановления Коллегии НКЮ РСФСР о примирительных камерах при сельских советах. 14 июня 1928 г. на заседании Коллегии НКЮ РСФСР организация примирительных камер при сельских советах была признана целесообразной, и опыт работы был продлен до 1 ноября⁹.

Согласно содержанию вышеуказанных документов, примирительные камеры при сельских советах организовывались в целях приближения суда к населению и упрощения порядка разбора мелких бытовых дел. Кроме того, предусматривалось, что создание примирительных камер будет способствовать вовлечению широких масс в общественную работу, подготовке кадров для народных судов, обеспечению воспитательного воздействия суда на рабочих и крестьян, повышению общего уровня дисциплины.

На территории Клинцовского округа Западной области РСФСР, как и в других регионах, члены примирительной камеры избирались в количестве 12 человек сроком на один год. Главной целью введения примирительных камер было стремление к внесудебному разрешению различных споров. В частности, примирительные камеры разбирали «дела об имущественных спорах; дела об оскорблениях на словах, письменно (в том числе стенгазетах) и действием; дела об озорных действиях.; мелкие земельные споры с суммой иска до 20 рублей из числа всех земельных споров и т. д.»¹⁰.

Для того чтобы был достигнут максимальный эффект от деятельности примирительных камер, их заседания должны были проходить публично и в то время, когда крестьянское население было свободно от работы. При этом «постановления примирительной камеры являлись окончательными и обжалованию не подлежали. Приводить в исполнение постановления примирительной камеры должны были сельские исполнители»¹¹. При осуществлении разбирательства отсутствовали обычные судебные сборы, наказания, как правило, были в форме предупреждения, общественного порицания, небольшого штрафа и выполнения общественных работ.

Создание примирительных камер при сельских советах воспринималось неоднозначно, однако «большинство деятелей юстиции согласились с идеей создания общественных судов как наиболее эффективного механизма разгрузки судов»¹². На местах проводились периодические проверки деятельности указанной формы общественных судов, в ходе которых выявлялись как позитивные, так и негативные стороны их работы. В частности, в Стародубском районе Клинцовского округа было «организовано 39 примирительных камер. Все камеры находились в сельской местности и обслуживали 32335 человек населения. Отзывы местных организаций и трудящихся о работе примирительных камер с достаточностью подтверждали заинтересованность этой работой»¹³. В ходе проверки примирительной камеры Любовшанского сельсовета от 13 сентября 1929 г. было выяснено, что

Материалы международной научно-практической конференции «Органы государственной власти и местного самоуправления: традиции и современность (к 150-летию земской реформы в России)» (г. Псков, 13 ноября 2014 г.). Псков : Псковский гос. ун-т, 2015. С. 49–56 ; Кацуба И.В. Сельские исполнители как форма участия граждан в охране общественного порядка в СССР // История государства и права. 2009. № 3. С. 34–36.

⁸ Винниченко О.Ю., Филонова О.И. Указ. соч. С. 48.

⁹ Там же. С. 49.

¹⁰ ГАБО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

¹¹ Там же. Л. 50.

¹² Винниченко О.Ю., Филонова О.И. Указ. соч. С. 50.

¹³ ГАБО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 11. Л. 50.

«в основном, примирительным судом усвоено его назначение, если не считать отдельных нарушений, сводящихся к расширению подсудности и превышению функций»¹⁴.

Как указывалось выше, организация общественных судов в форме примирительных камер происходила на всей территории нашей страны, поэтому будет уместным сказать о том, к каким результатам это приводило. Так, О.Ю. Винниченко и О.И. Филонова, основываясь на региональных материалах, приходят к выводу, что «к 1 января 1930 г. на территории Уральской области закончилась организация примирительных камер при всех сельских советах. Отмечались положительные моменты их деятельности — авторитет среди населения, удачная форма; высказывалось мнение о расширении их подсудности»¹⁵. Е.В. Брыжинская на основе изучения архивных материалов Мордовской АССР отмечает, что «везде население к таким судам общественной самодеятельности относилось дружелюбно»¹⁶.

Для контроля и повышения эффективности деятельности примирительных камер их периодически проверяли работники судебных органов, которые обращали главное внимание на соблюдение правил работы примирительных мер, соответствие действующему законодательству принимаемых решений. Довольно часто они указывали на негативные аспекты в функционировании рассматриваемой формы общественных судов. Например, 18 сентября 1929 г. народный судья Унечского района Клинецовского округа Ктиторенко после обследования примирительного суда при Песковском сельсовете отмечал, что «дела рассматриваются с соблюдением сроков, всех дел рассмотрено 4 и постановления вынесены по существу. Протоколы заседаний не ведутся, стороны и свидетели вызываются сельскими исполнителями без повесток и заявления не заводятся в обложки»¹⁷.

Народный судья Гордеевского района Терещенко обследовал работу примирительного суда при Творишенском сельсовете за время с 1 мая по 1 сентября 1929 г. и пришел к выводу, что «имеется большой запас дел, которые необходимо немедленно разобрать и в дальнейшем не допускать подобного

свыше недели в производстве без разрешения. Канцелярия недопустимо в безобразном состоянии, большинство дел не подшиты и разбросаны, и секретарь не знает, где дела, поэтому необходимо немедленно привести в порядок»¹⁸.

Поэтому проверяющие после таких выводов предлагали радикальные решения по улучшению работы примирительных камер. Так, народный судья Атрощенко по результатам проверки от 13 сентября 1929 г. примирительного суда при Сегловском сельсовете предложил: «...секретаря сельсовета снять с работы, как халатно относящегося к своим обязанностям. Председателя Кривоносова Федора также снять и переизбрать в срочном порядке с преданием суду за халатность и нарушение классового принципа. По многим отзывам к примирительным камерам население относилось одобрительно, но председатель чувствовал себя скверно — как не реши дело, наживаешь врагов»¹⁹.

Нельзя не сказать еще об одном существенном недостатке в работе изучаемой формы общественных судов, который выражался в проблемах с исполнением принятых решений. В частности, проверяющие из Клинецовского окружного суда после изучения работы примирительных камер отмечали, что «вынесенные постановления примирительных камер своевременно не подвергаются исполнению, а в отдельных районах совершенно не приводятся в исполнение (Почепский район). Таким образом, вся работа примирительных камер сводится на нет»²⁰.

Реализовывать принятые решения по действующему законодательству, как отмечалось, должны были сельские исполнители. Указанная должность получила свое оформление после введения в действие Декрета ВЦИК и СНК РСФСР № 266 от 27 марта 1924 г.²¹ Сельскими исполнителями могли быть лица мужского или женского пола, 20–50 и 25–45 лет соответственно, не лишённые избирательных прав. Обязанности сельских исполнителей должны были выполняться по очереди, сроком до двух месяцев. Сельские исполнители должны были исполнять поручения сельских советов по обеспечению охраны общественного поряд-

¹⁴ Там же. Л. 66.

¹⁵ Винниченко О.Ю., Филонова О.И. Указ. соч. С. 53.

¹⁶ Брыжинская Е.В. Указ. соч. С. 258.

¹⁷ ГАБО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 11. Л. 122.

¹⁸ ГАБО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 11. Л. 175–175 об.

¹⁹ Там же. Л. 117 об. — 118, 203.

²⁰ Там же. Л. 51–51 об.

²¹ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР № 266 от 27 марта 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 28. Ст. 266.

ка, личной и имущественной безопасности граждан, по благоустройству и развитию общественной инициативы.

В дальнейшем для большей конкретизации функционирования данного института была принята Инструкция НКВД № 220 о порядке назначения и деятельности сельских исполнителей от 27 июня 1929 г. В ней указывалось, что «повинность сельского исполнителя отправляется безвозмездно»²². По всей видимости, именно отсутствие материально-финансовых стимулов и привело к проблемам в исполнении решений примирительных камер. Кроме того, заслуживает внимания точка зрения О.Н. Мигущенко о том, что «институт сельских исполнителей... не демонстрировал высокой эффективности. С одной стороны, это вызывалось невнимательным отношением сотрудников милиции к данному институту, а с другой — недостатками в организации деятельности сельских исполнителей сельскими Советами»²³.

В свою очередь, при правильной организации работы примирительные камеры пользовались популярностью у населения и способствовали снижению конфликтности в деревенской среде. Так, в акте обследо-

вания работы примирительной камеры при Мартяновском сельсовете Клинцовского района указывалось, что «по рассказам председателя и секретаря, при разборе дел примирительной камерой народу было столько, что помещение не могло вместить, отзывы — благоприятные»²⁴. Работниками примирительных камер настоятельно рекомендовалось не допускать проявлений волокиты и бюрократизма. Следовало «избегать каких бы то ни было формальностей, связывать себя ими... Протоколов показаний сторон и свидетелей писать не надо, надо только стремиться выслушать внимательно стороны, склонять их к примирению»²⁵.

Таким образом, в целом деятельность примирительных камер носила положительный характер. Несмотря на определенные недостатки, которые присутствуют всегда и везде, функционирование данной формы общественных судов способствовало повышению правовой культуры деревни, росту юридической грамотности, уменьшению обращений в народные суды. В итоге согласно Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «О сельских общественных судах» от 10 октября 1930 г. примирительные камеры были реорганизованы в сельские общественные суды²⁶.

²² Инструкция НКВД № 220 о порядке назначения и деятельности сельских исполнителей от 27 июня 1929 года [Электронный ресурс] // URL: https://traditio.wiki/Инструкция_о_порядке_назначения_и_деятельности_сельских_исполнителей, свободный

²³ Мигущенко О.Н. Указ. соч. С. 65.

²⁴ ГАБО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 11. Л. 204.

²⁵ ГАБО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 11. Л. 204.

²⁶ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.10.1930 «О сельских общественных судах» [Электронный ресурс] // URL: <http://lawru.info/dok/1930/10/10/n1198858.htm>, свободный

Литература

1. Алиева Л.В. Сельский исполнитель в пространстве власти русской деревни 1920–1930-х гг. / Л.В. Алиева // Материалы международной научно-практической конференции «Органы государственной власти и местного самоуправления: традиции и современность (к 150-летию земской реформы в России)» (г. Псков, 13 ноября 2014 г.). Псков: Псковский гос. ун-т, 2015. С. 49–56.
2. Брыжинская Е.В. Организация и деятельность судов общественной самодеятельности на территории в 1928–1937 гг. / Е.В. Брыжинская // Регионоведение. 2006. № 3. С. 254–263.
3. Винниченко О.Ю. Модернизация судебной системы в период НЭПа: монография / О.Ю. Винниченко, О.И. Филонова. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. 172 с.
4. ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 11. Материалы Клинцовского окружного суда за 1929–1930 гг.
5. Зенькович В. Не ошибка, а совершенно необходимая мера (об организации специальных примирительных камер при сельсоветах для разбора мелких крестьянских исков) / В. Зенькович // Ежегодник советской юстиции. 1927. № 44. С. 1368–1369.
6. Кацуба И.В. Сельские исполнители как форма участия граждан в охране общественного порядка в СССР / И.В. Кацуба // История государства и права. 2009. № 3. С. 34–36.
7. Кожевников М.В. История советского суда / под ред. И.Т. Голякова / М.В. Кожевников. М.: Юридическое издательство МЮ СССР, 1948. 376 с.
8. Лаговьер Н. Как организовать примирительные камеры (сельские суды) при сельсоветах: пособие для сельсоветов, сельского актива и примирительных камер / Н. Лаговьер. М.: Власть Советов, 1930. 62 с.

9. Махмудов И. Примириательные камеры при сельсоветах / И. Махмудов // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 6. С. 164–165.
10. Мигущенко О.Н. Деятельность сельских исполнителей и примириательных камер при сельских Советах как методы формирования правосознания сельского населения в 1928–1934 гг. / О.Н. Мигущенко // Российская юстиция. 2008. № 4. С. 65–67.
11. Осипович В. Примириательные камеры при сельсоветах / В. Осипович // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 15. С. 463–464.
12. Уфимский. Нужно ли создавать примириательные камеры при сельсоветах / Уфимский // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 1. С. 14–15.
13. Филиппов Е.И. История товарищеских судов в РСФСР / Е.И. Филиппов. Ростов н/Д. : б. и., 1982. 111 с.

Развитие состязательной деятельности в российском уголовном процессе (анализ положений Соборного уложения 1649 года)

*Аристархов Алексей Леонидович,
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук
alaris700@mail.ru*

В статье анализируются положения Соборного уложения 1649 года в части наличия признаков состязательной деятельности участников суда или судебного разбирательства, особенности доказательственной деятельности сторон, и при необходимости производится исторический анализ соотношения с положениями УПК РФ.

Ключевые слова: Соборное уложение 1649 года, уголовное судопроизводство, судебное разбирательство, принцип состязательности сторон, стороны, доказывание.

Adversarial Activity Development in Russian Criminal Procedure (Analysis of Provisions of the Council Code of 1649)

*Aristarkhov Aleksey L.,
Leading Research Scientist of the Research Institute
of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences*

The article analyzes the provisions of the Council code of 1649 there are signs of the competitive activities of members of the court or trial features of the evidentiary activities of the parties and, if necessary, is historical analysis in relation to the provisions of the code of criminal procedure

Key words: the Council code of 1649, criminal proceedings, court proceeding, principle of adversarial, side, substantiation.

М.С. Строгович указывает, что «само понятие „состязательность“ в разные периоды времени имело различный смысл», а «сущность состязательности заключается в наличии в процессе сторон»¹. В данной статье хотелось бы рассмотреть развитие призна-

ков состязательной деятельности по положениям Соборного уложения 1649 г. (далее — Соборное уложение), поскольку его положения отличало собственное смысловое содержание, являющееся отражением особенностей развития юридической мыс-

¹ Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности

сторон. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. С. 104, 105.

ли в исследуемый период. Значимость этого является важной, поскольку обоснованно обращается внимание на то, что «сегодня сложно представить серьезную научную работу на соискание кандидатской или докторской степени (в том числе по специальности 12.00.09 "Уголовный процесс") без учета и анализа исторических аспектов в их широком значении»². При этом также сложно осветить обозначенные вопросы вне полного упоминания статей рассматриваемого источника права.

Значение рассматриваемого акта права велико, поскольку учеными отмечается, что «в своих отдельных частях действовало до середины XIX века»³. Отмечается, что «При Петре I и Екатерине II были предприняты попытки принять новый законодательный свод, но они оказались безуспешными. Уложение оставалось полнейшим сводом российских законов почти два столетия, пока при Николае I, в 1832 г., не был составлен «Свод законов Российской империи» в 15 томах⁴. При этом общеизвестно, что во второй половине XIX века принимается Устав уголовного судопроизводства 1864 г. В связи с этим имеются основания говорить о том, что Соборное уложение «подвело итог эволюции русской юриспруденции в предшествовавшие исторические эпохи и стало отправной точкой для дальнейшего ее развития»⁵. Здесь же необходимо отметить, что в отличие от прежних источников права (Русская Правда, Новгородская Судная грамота, Псковская Судная грамота 1467 г., Судебник 1497 г. и Судебник 1550 г.) Соборное уложение отличала иная сформированность подходов, заключающаяся в большем «отрыве» от формального доказывания, что, несомненно, иным образом определяло механизмы реализации состязательной деятельности сторон. Другой важной особенностью является то, что «происходит еще большая по сравнению с Судебниками диф-

ференциация процесса на две формы: „суд“ и „розыск“»⁶, а в «части гражданских дел, касающихся личных имущественных прав, и в уголовных делах крестьяне оставались субъектом права»⁷.

Прежде всего, следует отметить, что данный акт права определял участников суда или, как сегодня говорится, судебной деятельности. С учетом ст. 1 Главы X Соборного уложения «*право „судити“ принадлежало „бояром и околничим и думным людем и дьяком, и всяким приказным людем, и судьям“*»⁸. При этом такая деятельность в данном случае именовалась как «*суд государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси*». В определенных случаях дело мог рассмотреть государь. Согласно ст. 2 Главы 10 Соборного уложения «*а спорные дела, которых в приказах зачем вершити будет не мощно, взносити ис приказов в доклад к государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Руси, и к его государевым бояром и околничим и думным людем*».

Участники суда, или стороны, именовались истцом и ответчиком, а отстаивание аргументов определялось в качестве «*битья челом*». В соответствии со ст. 3 Главы 10 Соборного уложения «*а будет которой судья исцу будет недруг, а ответчику друг или свой, и о том истец учнет бити челом государю до суда, что ему перед тем судьею искати не мощно, такъже будет и ответчик до суда же учнет бити челом, что исцу его судья друг или свой и отвечатьи ему перед тем судьею не мощно, и тех исца и ответчика тому судии, на кого будет такое челобитье, не судити, а судити их иному судии, кому государь укажет*». При этом в Соборном уложении также говорилось об иске или, как представляется, определенном

² Зяблина М.В. Уголовное судопроизводство и защита прав его участников по Русской Правде // История государства и права. 2016. № 22. С. 34.

³ URL: <http://www.oldru.com/vorobiev1/19.htm>

⁴ Соборное уложение 1649 г. (фрагменты) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41849.php>

⁵ Тосминов В.А. Соборное уложение 1649 г. как памятник русской юриспруденции [Электронный ресурс] // URL: http://tomsinov.com/IOGP/sob_ub.pdf

⁶ Старин Б.С. «Соборное уложение» Царя Алексея Михайловича и его роль в стабилизации политического режима в России в XVII веке // Четыреста лет династии Романовых : материалы 66-й межвузов. научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 10 апреля 2013 г.) / под ред. В.М. Боева, Н.Г. Янгола. СПб. : ГУАП, 2013. С. 21.

⁷ Костин В.И. Соборное уложение — памятник крепостного права : учебное пособие. Н. Новгород, 2007. С. 10.

⁸ Выверено по: Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649.htm>

выражении своих претензий, в том числе в письменном виде. Так, согласно ст. 18 Главы 10 Соборного уложения указывалось *«чтобы им и иным таким вперед не повадно было такими своими поклейными иски никого убытчить напрасно»*, а в ст. 22 говорилось о *«письменных и словесных ссылках»*. Вместе с тем о состязательной деятельности в данном случае возможно было говорить выборочно, поскольку положения Соборного уложения носили комплексный характер, т. е. совмещали в себе отрасли гражданского, уголовного и процессуального права. В данном случае отмечается, что «в развитии феодального судопроизводства и процессуального права для первой половины XVII в. характерно сосуществование состязательного (обвинительного) и розыскного (следственного) процессов при явном преобладании второго над первым», при этом «розыскной явно господствовал в политическом уголовном судопроизводстве, а состязательный имел преобладание в делах гражданских»⁹. Производство в суде за совершение преступлений обладало спецификой. Ее особенности характеризуются тем, что «судебное разбирательство в России до 1864 г. производилось в закрытом режиме в отсутствие каких-либо элементов состязательности», а «допрос обвиняемого в суде, пожалуй, являлся единственной возможностью персональной оценки судом личности подсудимого»¹⁰.

Рассматриваемый источник права содержит лишь некоторые упоминания об особенностях деятельности истца и ответчика в суде. В соответствии со ст. 180 главы 10 Соборного уложения *«а будет истец и ответчик в суде в большом иску пошлютца на кого из виноватых оба, а после того не сходя с суда во встречном суде кто из них один тое первую опцию ссылку учнет отводить, и станет слатца в послушество, и его тем во встречном иску обвинить, а первой суд вершит по опчей ссылке»*.

Порядок обжалования сторонами в современном выражении неправосудных решений суда также был определен, хотя являлся достаточно общим и преимуще-

ственно зависел от того, имелись ли основания говорить о «посуле»¹¹. В соответствии с положениями ст. 7 главы 10 Соборного уложения *«а будет кто учнет бити челом на судью, что он обвинил его неделом по посулом, а взял де от того неправого дела на судью посул брат его, или сын, или племянник, или человек, и то судное дело взнестъ слушати бояром, и учинити в том деле указ, смотря по делу»*¹². Вместе с тем в иных случаях возможности истца и ответчика по обжалованию принятого судом решения были ограничены и обладали своей спецификой. В данном случае надлежит указать о своего рода принципе ограниченности, который заключался в определении пределов или границ исследования судом того, что представлено сторонами или участниками процесса. При этом положения Соборного уложения ориентировали участников суда на то, чтобы необходимые документы были исследованы своевременно. В частности, в ст. 21 Главы 10 Соборного уложения говорилось о том, что *«а которые люди после суда учнут приносить к судным делам подѣписные и неподѣписные челобитные, а в тех челобитных напишут прибылыя статьи для пополнки судного дела, чем бы им быти правым, а в суде у них тех статей не было, и у них таких подѣписных и неподѣписных челобитен к судным делам не приимати, а вершити те дела по тому, как будет в суде записано»*¹³. Одновременно в ст. 22 главы 10 данного акта права отмечалось, что *«да и судиям после суда своим вымыслом в судном деле никому по дружбе, или по недружбе сверх того, что в суде истец и ответчик говорили, ничего не прибавлявати, ни убавлявати, и у исца и у ответчика писменных ссылок и никаких писем после суда не приимати, опричь того, что в суде подано, и что в суде же в писменных и в словесных ссылках какия крепости будут объявлены»*¹⁴.

Между тем порядок обжалования принятого судом решения все же существовал, хотя его отличала определенная формализованность, которая заключалась в том, что

⁹ Маньков А.Г. Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. 2-е изд., испр. М., 2003. С. 311.

¹⁰ Колотков М.Б. Состояние уголовного судопроизводства в контексте охраны общественного порядка в России в 60–70-х годах XIX века // История государства и права. 2016. № 7. С. 56.

¹¹ Посул — это древнерусское название взятки: незаконное вознаграждение за осуществление официальных властных полномочий [Электронный ресурс] // URL: ru.wikipedia.org

¹² Выверено по: Тихомиров М.Н., Елифанов П.П. Указ. соч.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

возможность рассмотрения челобитной жалобы зависела от того, подавались ли ранее жалобы в нижестоящие «инстанции». Так, согласно ст. 20 главы 10 Соборного уложения «*а будет ему в приказе суда не дадут, или против его челобитья указу ему не учинят, и ему о том бити челом и челобитныя подавати государю, и то в челобитных своих описывати, что он о том деле напередь того в приказе бил челом, а указу ему в приказе не учинено*»¹⁵.

В рассматриваемом акте права также рассматривались особенности, которые в настоящее время являются частью осуществляемого доказывания. Отмечается, что «в судопроизводстве по уголовным делам господствовал розыскной инквизиционный процесс, в котором активная роль принадлежала судьям, как представителям государственной власти»¹⁶. При этом соответствующий порядок для участников судебного разбирательства не предусматривался. Речь идет о том, что в данном акте права определялась возможность производства действий, которые в настоящее время именуется очной ставкой, обыском, допросом (ст. 182, 187–190 и 192 УПК РФ) и, в частности, в отношении обыска имеют сегодня иное значение¹⁷. В Соборном уложении в данном случае говорилось следующее: «*а челобитчика, и на кого он сказывал про посуль, ставити с очей на очи, и спрашивати и сыскивати про посул всякими сыски накрепко, тот человек, на кого в посулах будет челобитье, посул взял ли, и будет взял, и по судьину ли приказу он посул взял, да будет сыщется допряма, что посул взят по судьину велению, и судное дело вершено неделом по посулу, и судье за то учинити указ, как о том писано выше сего*» (ст. 7 главы 10)¹⁸. Лишь схожим с современным порядком производства обыска возможно рассматривать следующие положения. Так, согласно ст. 13 главы 10 Соборного уложения «*а будет впредь то спорное дело дьячьёю*

попоровкою объявится у того же подьячьёго, у которого то дело взято будет, или то спорное дело дьячьёю же попоровкою, а исцовым или ответчиковым промыслом подьячей вынесет ис приказу для какия ни буди хитрости, и вымут у него то дело за городом, или на дворе, а сыщется про то допряма, что то дело вынесено ис приказу по дьячьёу велению: и по тому делу исцов иск и государевы пошлины за дьячьёю попоровку доправити на дьяке, да сверх того дьяку и подьячьёму учинити наказание, бити кнутом, и от дела их отставити, и впредь им ни у какова дела не бытии»¹⁹. В ст. 19 главы 10 Соборного уложения предусматривалась возможность производства обыска для проверки аргументов истца о сумме, указанной в иске с целью ее подтверждения или опровержения. В данном случае оговаривалось, что если «*истец учнет на ком искать иску своего с прибавкою, а по суду и по сыску объявится, что на ответчике его доведется иску его доправить меньши того, чего он искал, и на ответчике его, то ему велеть и доправить, чем ему тот его ответчик виноват*». Относительно допроса указывалось: «*...а будет которая ссылка по допросу скажет, что он про которое дело слышал от людей, а сам того дела не ведает, и та ссылка не в ссылку*»²⁰.

Соборное уложение также содержит совокупность формальных правил доказывания для истца и ответчика. Прежде всего, к числу возможностей доказывания относилось «крестное целование», о чем говорилось в ст. 22 главы 10 Соборного уложения. Этим определялась правдивость сообщенных сведений. Согласно ст. 173 рассматриваемого акта права «*а будет где доведется в обыску или в допросе спрашивать боярских людей, или крестьян, или женской пол: и их во всяких делех допрашивать по государеву крестному целованью пред образом Божиим для того, чтобы они сказывали правду, как им стать на страшнем суде Христове*»²¹. Показания родителей истца или ответчика имели особое значение и признавались правдивыми. Об этом указано в ст. 176 рассматриваемого акта права, где предусматривалось следующее: «*...а будет на суде ответчик пошлется на исцова отца, или на мать, или истец пошлется на ответчикова отца, или мать, и по*

¹⁵ Там же.

¹⁶ Виноградов В.А. Распределение бремени доказывания в отечественном уголовном процессе от «Русской правды» до Устава уголовного судопроизводства // История государства и права. 2016. № 17. С. 16.

¹⁷ По положениям Соборного уложения в данном случае рассматривалась возможность получения определенных показаний лиц.

¹⁸ Выверено по: Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Указ. соч.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

тем ссылкам отца и мать допрашивать, а никому отца и матери на суде не отводить, и дело вершить отцовою и матернею скаскою»²².

Помимо этого существовали другие формальные правила доказывания. Так, согласно ст. 169 главы 10 «*а будет в какове деле истец и ответчик оба пошлются по одной ссылке на опцию же правду на трех человек, и ис тех людей один учнет сказывать ложно, а два учнут его уличать, что он говорит ложно, и в таком деле верить двум, а одного отставить»²³. Однако такой порядок сосуществовал с другим порядком, который в настоящее время закреплен в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ и заключается в том, что к недопустимым доказательствам относятся показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности. В ст. 172 главы 10 Соборного уложения в данном случае указывалось следующее: «...а будет которая ссылка по допросу скажет, что он про которое дело слышал от людей, а сам того дела не ведает, и та ссылка не в ссылку»²⁴.*

Интересной является интерпретация дел, которые рассматривал суд по положениям Соборного уложения. В качестве определенной градации этого возможно определить следующие закрепленные разновидности: *судное дело* (ст. 12 главы 10), *спорное дело* (ст. 13 главы 10). При этом процесс предполагался как «*безволокистный*» или, если его оценить с современных позиций, пронизанный реализацией принци-

пом разумного срока уголовного судопроизводства. В данном случае в ст. 15 главы 10 Соборного уложения говорилось о том, что «*а судные дела велети ему вершити безволокистно, чтобы однолично исцом и ответчиком в судных делех волокиты и убытков не было»²⁵.*

В итоге хотелось бы отметить, что, несмотря на имеющиеся недостатки и преимущества Соборного уложения, которые видны с современных позиций, его положения сыграли важную роль в дальнейшем переходе к более совершенной деятельности сторон в судебном разбирательстве, в том числе по положениям УПК РФ. При этом, говоря о преимуществах, видится целесообразным привести позицию Л.Е. Владимиров, склонявшегося к сохранению «*формальной теории доказательств»²⁶. Данная позиция, устанавливая сплошную связь уголовного процесса России с историческими источниками права, одновременно имеет важное значение для современной действительности, поскольку в УПК РФ закреплены усовершенствованные временем положения об особом порядке судебного разбирательства (главы 40, 40.1 и 32.1), которые в совокупности с разработанной и воплощенной теорией доказательств, а также мерами по обеспечению прав личности носят значимое, в том числе историческое и теоретическое, значение.*

²⁵ Там же.

²⁶ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Общая часть. Теория судебных доказательств в уголовном процессе: конец XIX — начало XX века : хрестоматия / сост. Ю.В. Астафьев, А.Ю. Астафьев. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. С. 30.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

Литература

1. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности сторон / М.С. Строгович. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. 151 с.
2. Виноградов В.А. Распределение бремени доказывания в отечественном уголовном процессе от «Русской правды» до Устава уголовного судопроизводства / В.А. Виноградов // История государства и права. 2016. № 17. С. 14–19.
3. Соборное уложение 1649 г. (фрагменты) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41849.php>
4. Костин В.И. Соборное уложение — памятник крепостного права : учебное пособие / В.И. Костин. Н. Новгород, 2007. 84 с.
5. URL: <http://www.oldru.com/vorobiev1/19.htm>
6. Тихомиров М.Н. Соборное уложение 1649 года / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. 67 с. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm>
7. Старин Б.С. «Соборное уложение» Царя Алексея Михайловича и его роль в стабилизации политического режима в России в XVII веке / Б.С. Старин // Четыреста лет династии Романовых : материалы

- 66-й межвузовской научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 10 апреля 2013 г.) ; под ред. В.М. Боера, Н.Г. Янгола. СПб. : ГУАП, 2013. 87 с.
8. Тосминов В.А. Соборное уложение 1649 г. как памятник русской юриспруденции / В.А. Тосминов [Электронный ресурс] // URL: http://tomsinov.com/IOGP/sob_ub.pdf
 9. Колотков М.Б. Состояние уголовного судопроизводства в контексте охраны общественного порядка в России в 60–70-х годах XIX века / М.Б. Колотков // История государства и права. 2016. № 7. С. 55–59.
 10. Зяблина М.В. Уголовное судопроизводство и защита прав его участников по Русской Правде / М.В. Зяблина // История государства и права. 2016. № 22. С. 31–34.
 11. Маньков А.Г. Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России / А.Г. Маньков ; 2-е изд., испр. М., 2003. 370 с.
 12. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Общая часть. Теория судебных доказательств в уголовном процессе: конец XIX — начало XX века : хрестоматия / Л.Е. Владимиров ; сост. Ю.В. Астафьев, А.Ю. Астафьев. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. 440 с.
 13. URL: ru.wikipedia.org

Формирование института представительства до принятия Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года

*Воскобойник Игорь Олегович,
адвокат, кандидат юридических наук
voskoboyn_ugpro@mail.ru*

В статье анализируются начальные этапы становления институтов представительства и защиты в уголовно-процессуальной отрасли права, рассматриваются нормы права, исследуется их историческое значение.

Ключевые слова: адвокат, представитель защитник.

Representation Institute Establishment before Adoption of the Statute of Criminal Procedure of the Russian Empire of 1864

*Voskoboynik Igor O.,
Lawyer,
Candidate of Legal Sciences*

The article analyzes the initial stages of formation of institutes of representation and protection in criminal procedure law, considers the rule of law, examines their historical significance.

Key words: lawyer, representative, defender.

Определение начала развития институтов представительства и защиты в отечественном праве связано со значительными трудностями, обусловленными отсутствием информации о наличии исследуемого института в рамках обычного права. В связи с этим следует предположить, что точкой отсчета в становлении института представительства в уголовном процессе России обоснованно считать даты принятия законодательных актов, регламентирующих допуск представителей сторон в судопроизводство. Итак, в 988

году на Русь приходит христианство. Влияние принятой государством веры оказывает значительное влияние на законодательство Древней Руси. Уже в конце X — начале XI в. вместе с новой религией на языческую Русь приходят новые законодательные акты, преимущественно византийские, содержащие в себе основы церковно-византийского права¹. Однако потребность в существовании

¹ Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. М. : Го-

национального права обусловила трансформацию заимствованных норм в письменный свод законов Руси, которым явилась Русская Правда, датируемая началом XI века. Именно в ней содержатся косвенные свидетельства о существовании практики представительства чужих интересов. Так, поводом (в современном понимании) к началу уголовно-процессуальных отношений являлась как жалоба потерпевшего, так и его семьи или рода. Кровную месть могли применять только самые близкие родственники: сын мстил за отца, отец за сына, брат за брата и только с разрешения суда². На наш взгляд, данное установление явилось началом обязательного («законного») представительства сторон в уголовном судопроизводстве России.

Следующий шаг в развитии института судебного представительства был связан с серединой XV века — временем принятия Судных грамот. При этом если Новгородская судная грамота (1471 год) упоминала об участии представителей сторон в судопроизводстве лишь в одной статье (ст. 5), то Псковская судная грамота, утвержденная Псковским вече в 1467 году, регламентировала данный институт как неотъемлемую часть судебного процесса. Статья 21 названного документа, как представляется, впервые косвенно касалась представительства свидетеля³, указав на его запрет: «...против послуха⁴... стар или млад, или чем безвечен, или поп, или чернец ино против послуха нанять волно наймит, а послуху наймита нет»⁵. Статьи 68 и 69 содержали ограничения, согласно которым представи-

телем не мог быть посадник, а также всякое лицо, облеченное властью («и всякому властелю за друга не тягаться...»)⁶. Статья 71 рассматриваемой грамоты содержала понятие «пособник», под которым понимался судебный представитель, и регламентировала, что ему в один день не разрешалось вести два дела: «А одному пособнику одного дни за два орудия не тягаться»⁷. В ст. 21, 36, 119 Псковской Судной грамоты определен круг лиц, имеющих право поставить за себя «наймита», под которым, как верно замечает С.В. Юношев, понимался представитель одной из сторон в судебном поединке, исход которого в то время имел доказательственное значение⁸. Следует отметить, что, согласно Псковской грамоте, представительство распространялось в отношении женщин, стариков, инвалидов и монахов, в то время как Новгородская судная грамота не содержала каких-либо ограничений в этом вопросе⁹.

Возможность прибегать к помощи «наймитов» была опосредована изменением доказательственного права, утвердившего в то время «поле»¹⁰ в качестве средства доказывания¹¹, и получила дальнейшее развитие при регламентации их деятельности в Судебнике 1497. Так, ст. 49 Судебника явля-

сударственное издательство юридической литературы, 1957. Т. 1. С. 626.

- ² Уголовный процесс : учебник / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2002. С. 51.
- ³ О представительстве свидетеля в современном уголовном процессе см.: Авдеев В.Н., Воскобойник И.О. Проблемы деятельности адвоката при производстве следственных действий с участием свидетеля // Уголовное право. 2006. № 5. С. 84–86.
- ⁴ Исследователи сходятся во мнении о том, что под «послухом» необходимо понимать разновидность свидетеля — человека, свидетельствующего по слуху. См.: Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 642; Юшков С.В. История государства и права. М. : Юриздат, 1948. Ч. 1. С. 141; Уголовный процесс... С. 56.
- ⁵ Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под общ. ред.

Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1990. С. 28.

- ⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 338.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Юношев С.В. Потерпевший и его представитель как участники уголовного судопроизводства до Судебной реформы 1864 год // URL: Потерпевший и его представитель как участники уголовного судопроизводства до Судебной реформы 1864 год// URL: <http://отрасли-права.рф/article/23048>
- ⁹ Смоленский М.Б. Адвокатская деятельность и адвокатура Российской Федерации. 4-е изд. Ростов н/Д. : Феникс, 2005. С. 21.
- ¹⁰ Под «полем» понимается судебный поединок, результаты которого признавались в качестве доказательства.
- ¹¹ См. подр.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. 846 с. ; Курс советского уголовного процесса. Общая часть. Раздел 3 / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. 640 с. ; Бойков А.Д., Капинус Н.И. Адвокатура России. Тема 3. М., 2000. 376 с. ; Тарло Е.Г. Профессиональное представительство в суде : монография. М. : Известия, 2004. С. 67.

ется ярким отражением преемственности в законодательной регламентации института представительства. Будучи воспринятыми из Псковской Судной грамоты, ее нормы регламентировали, что ответчик¹² был вправе нанять представителей, «что за других в суды ходили... и ныне поверенными именуются»¹³. В то же время, как и прежде, оговаривалось, что «послуху наймита нет»¹⁴.

Анализ законодательства Руси в период с XI века до 1649 г. позволяет сделать вывод о том, что уголовное судопроизводство не выделялось в отдельную отрасль права, вследствие чего многие правовые институты имели одновременно как материально-правовую, так и процессуальную основу. При этом институт представительства имел как уголовно-процессуальную, так и гражданско-процессуальную сферу применения. Законодательная регламентация деятельности представителей участников судопроизводства в указанный период носит общий и разрозненный характер, не учитывая многие потребности состязательного процесса¹⁵. Указанные особенности позволяют нам выделить названный временной промежуток в качестве первого этапа развития института представительства.

Толчком для последующего развития как всего уголовного судопроизводства, так и института представительства в нем явился окончательный переход от состязательного к розыскному процессу¹⁶.

Поэтому началом следующего этапа становления института представительства в уголовном процессе России следует признать момент принятия в 1649 году Соборного Уложения. Анализ его норм позволяет сделать вывод о том, что данным актом регламентировалось одно из современных оснований для классификации представителей в уголовном процессе — по процессуальному положению представляемого лица.

Так, в главе X Уложения ст. 109 упоминает о представителе истца¹⁷, в то время как ст. 108, 109, 114–118 той же главы регламентируют деятельность представителя со стороны ответчика, который был вправе иметь представителя в случае болезни. В свою очередь представитель истца, кроме указанного основания, допускался к участию в судопроизводстве и в других случаях — «за иным зачем»¹⁸.

Получило регламентацию в данном уложении и обязательное¹⁹ («законное») представительство. Об этом свидетельствуют нормы ст. 157 той же главы, согласно которым: «ответчи дети и братия, и племянники»²⁰.

Вместе с этим из содержащейся в ст. 108 главы X Уложения формулировки «ответчи кому верит» обоснованно сделать вывод о зарождении договорного представительства. При этом указанного представителя был вправе иметь как истец, так и ответчик.

Переход от состязательного к инквизиционному процессу законодательно регламентируется и Указом 1697 года «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказаниях лжесвидетелей и пошлинных деньгах». Однако положения данного Указа отражают явную неразбериху и отсутствие четких требований к лицам, допускаемым в процесс в качестве представителей. Об этом свидетельствует содержащаяся в тексте Указа фраза о том, что «нанимают за себя... воров и душевредцев»²¹.

В марте 1715 года в связи с принятием «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» была открыта новая страница в развитии исследуемого института. Так, «первая часть процессу» содержа-

¹² Под ответчиком в рассматриваемом законодательном акте понимается обвиняемый.

¹³ Татищев В.Н. История российская. Л., 1968. Т. 7. С. 236.

¹⁴ Хрестоматия по истории государства и права СССР... С. 51.

¹⁵ О том, что уголовный процесс в исследуемый период носил состязательный характер, см.: Уголовный процесс... С. 52; Чельцов-Бебутов М.А. Уголовный процесс... С. 81; Курс советского уголовного процесса... С. 373–374.

¹⁶ См. подр.: Юношев С.В. Указ. соч. С. 19; Уголовный процесс... С. 57.

¹⁷ Под истцом в исследуемый период следует понимать прежде всего потерпевшего.

¹⁸ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 3 : Акты Земских соборов. М : Юридическая литература, 1985. С. 113.

¹⁹ Подробнее обоснование термина «обязательное» представительство см.: Воскобойник И.О. Институт представительства в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. 26 с. ; Его же. Институт представительства в уголовно-процессуальном праве России : монография. Калининград, 2009. 200 с.

²⁰ Юношев С.В. Указ. соч. С. 19–21.

²¹ Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. 3. № 1572.

ла главу 5 «О адвокатах и полномочных», согласно которой, если «челобитник или ответчик... занеможет или протчие важные причины к тому прилучатся... позволяется оным для вывода своего дела употреблять адвокатов и оных вместо себя в суд посылать»²². Основной уважительной причиной для неявки сторон, по смыслу «Краткого изображения процессов или судебных тяжб», как и в существовавших прежде положениях, продолжала быть болезнь. Вместе с тем нормами указанной главы ответчикам (обвиняемым) запрещалось иметь указанных лиц в качестве представителей при рассмотрении дел, судопроизводство по которым велось в рамках разыскного процесса.

Через восемь лет после принятия вышеописанного порядка назрела необходимость в совершенствовании института представительства в уголовном процессе России, что и было реализовано с изданием Указа от 5 ноября 1723 года «О форме суда». Согласно данному Указу, волеизъявление сторон по делегированию полномочий представителю должно было оформляться доверенностью, что, безусловно, является неотъемлемой составляющей сущности договорного представительства. Внимание к данному институту было не случайно, а обусловлено тем, что Указом в большинство уголовных дел, кроме дел о «злодействе» и государственных преступлениях, предписывалось рассматривать по правилам состязательно-го процесса²³.

В ноябре 1775 года «Учреждения для управления губерний Всероссийския Империи» допустили представительство в судах первой, апелляционной и ревизионной инстанций.

Нельзя не отметить огромное значение и колоссальный объем работы комиссии законодательных предложений под руководством М.М. Сперанского по составлению Свода законов Российской империи, учрежденного в 1832 году. С момента вступления его в законную силу (1 января 1835 года) уголовное судопроизводство в России регламентировалось

нормами первого уголовно-процессуального кодекса (вторая книга Свода «О судопроизводстве по преступлениям»), что позволяет рассматривать формирование судебного института представительства уже в рамках самостоятельной отрасли права. Вместе с тем значительных изменений в регламентации данного института не произошло, что является следствием заимствований порядка представительства из ранее принятых источников и не позволяет говорить о начале нового этапа его развития с 1835 года.

В целом с 1649 по 1864 гг. произошли качественные изменения в регламентации процессуального порядка участия представителей в процессе. Так, наряду с представительством обвиняемого («ответчика») появилось представительство потерпевшего (в терминологии того времени — «истца», «челобитника»), получило дальнейшее развитие договорное и «законное» (обязательное) представительство, исследуемый институт приобрел самостоятельность в рамках уголовно-процессуальной отрасли российского права.

Однако, несмотря на это, как справедливо отмечает С.В. Юношев, нет оснований полагать, что с марта 1715 года в судопроизводстве адвокат появился в качестве нового участника уголовного судопроизводства²⁴ с качественно новыми процессуальными полномочиями, не известными предыдущему законодательству. Скорее, наоборот, признаки правоотношения по представительству сторон в процессе, имевшие место до указанной даты, были воплощены в сущность деятельности адвоката.

В таком виде институт представительства просуществовал до судебной реформы 1864 года²⁵, положившей начало новым по содержанию правоотношениям в уголовном судопроизводстве России.

²⁴ Юношев С.В. Указ. соч. С. 24.

²⁵ Воскобойник И.О. Институт представительства по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года // История государства и права. 2016. № 19. С. 26–30.

²² Хрестоматия по истории государства и права СССР... С. 272.

²³ Уголовный процесс... С. 62.

Литература

1. Авдеев В.Н. Проблемы деятельности адвоката при производстве следственных действий с участием свидетеля / В.Н. Авдеев, И.О. Воскобойник // Уголовное право. 2006. № 5. С. 84–86.
2. Бойков А.Д. Адвокатура России / А.Д. Бойков, Н.И. Капинус. М., 2000. 376 с.
3. Воскобойник И.О. Институт представительства в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.О. Воскобойник. Калининград, 2007. 23 с.

4. Воскобойник И.О. Институт представительства в уголовно-процессуальном праве России : монография / И.О. Воскобойник. Калининград, 2009. 200 с.
5. Воскобойник И.О. Институт представительства по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года / И.О. Воскобойник // История государства и права. 2016. № 19. С. 26–30.
6. Курс советского уголовного процесса. Общая часть. Раздел 3 / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. 640 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. 3. № 1572.
8. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 3 : Акты Земских соборов. М. : Юридическая литература, 1985. 512 с.
9. Татищев В.Н. История российская / В.Н. Татищев. А., 1968. Т. 7. С. 397–400.
10. Тарло Е.Г. Профессиональное представительство в суде : монография / Е.Г. Тарло. М. : Известия, 2004. 614 с.
11. Уголовный процесс : учебник / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2002. 574 с.
12. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под общ. ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1990. 479 с.
13. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права / М.А. Чельцов-Бебутов. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1957. Т. 1. 839 с.
14. Чельцов-Бебутов М.А. Уголовный процесс / М.А. Чельцов-Бебутов. М., 1948. 624 с.
15. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права / М.А. Чельцов-Бебутов. СПб., 1995. 846 с.
16. Юшков С.В. История государства и права / С.В. Юшков. М. : Юриздат, 1948. Ч. 1. 679 с.

Возникновение и деятельность Дисциплинарного суда Императорского Санкт-Петербургского университета (1902–1917)

*Суязов Вячеслав Валерьевич,
аспирант Санкт-Петербургского государственного университета
v.v.suyazov@gmail.com*

В данной статье анализируется юридический статус Дисциплинарного суда Императорского Санкт-Петербургского университета, показаны история его возникновения и деятельность с момента учреждения до упразднения в 1917 году. В статье сделаны выводы о значении Дисциплинарных судов в системе органов высших учебных заведений Российской империи и в качестве одного из элементов университетской автономии.

Ключевые слова: Дисциплинарный суд, высшие учебные заведения, образовательное право, Санкт-Петербургский государственный университет, история права, университетская автономия, судебная система Российской империи, университетские уставы.

Establishment and Activity of the Disciplinary Court of the Saint Petersburg Emperor's University (1902–1917)

*Suyazov Vyacheslav V.,
Postgraduate Student of the Saint Petersburg State University*

This article examines the legal status of disciplinary court of Saint-Petersburg university in the higher educational institutions of the Russian Empire, shows the history of its origin and activity since its establishment to abolition in 1917. In the article are made conclusions about the significance of disciplinary courts in the system of higher education institutions of the Russian Empire, and as one of the elements of university autonomy.

Key words: The disciplinary court, the higher educational institutions, educational law, Saint-Petersburg state university, history of law, university's autonomy, the judicial system of the Russian Empire, university statutes.

В конце XIX в. идея о создании дисциплинарных судов возникла не на пустом ме-

сте. Еще в Университетском уставе 1804 г. содержалась глава 14, полностью посвящен-

ная Университетскому суду¹. Следует предположить, что данные положения были заимствованы из опыта Гёттингенского университета, где существовали на тот момент три судебные инстанции — ректор, совет деканов и университетский Сенат². Дела разбирались ими в качестве первой инстанции в зависимости от суммы иска. Аналогичные правила имелись и в Университетском уставе 1804 г., где в качестве первых инстанций в зависимости от суммы иска могли выступать ректор, Правление университета и Совет университета³.

Последним положения об особом университетском суде⁴ содержал в себе Университетский устав 1864 г. Совет университета избирал из своего числа трех судей и аналогичное число кандидатов в судьи. Председательствовать в суде обязательно должен был представитель юридического факультета. Университетский суд рассматривал дела студентов, нарушивших установленные университетами внутренние правила, а также вступивших в конфликт с должностными лицами университета⁵. Деятельность данных учреждений регулировалась инструкциями и правилами о взысканиях, которые устанавливались самими учебными заведениями⁶.

В Университетском уставе 1884 г. отсутствовали положения, предусматривающие

деятельность университетских судов, что привело к их фактическому упразднению⁷. Разбор дел по студенческим проступкам перешел в ведение университетских правлений, что в дальнейшем послужило одной из предпосылок для учреждения профессорских дисциплинарных судов.

Совещание Совета высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 6 ноября 1901 г. стало первым шагом к возрождению особого судебного органа при высших учебных заведениях, в компетенцию которого входило расследование по дисциплинарным проступкам студентов⁸. Председательствовал на совещании товарищ министра народного просвещения Г.Э. Зенгер.

Вопрос о том, желательно ли восстановить университетский суд, поставленный на обсуждение Г.Э. Зенгером, встретил единодушную поддержку присутствующих: возрождение данного органа было признано весьма желательным.

Следующим шагом по учреждению профессорского дисциплинарного суда стало создание специальной комиссии из выборных представителей высших учебных заведений с целью подготовки документа, в котором будут обозначены основные принципы деятельности данного органа.

В письме от 19 декабря 1901 г. пребывающий на тот момент в должности министра народного просвещения П.С. Ванновский просил Г.Э. Зенгера «поручить разбор студенческих проступков специальному суду, образуемому из выборных преподавателей соответствующих высших учебных заведений»⁹. Это предполагалось в качестве временной меры, так как в будущем планировалось внести положения о дисциплинарном суде в новый общеуниверситетский

¹ Общий устав императорских Российских университетов от 5 ноября 1804 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXVIII, ч. 1. Ст. 21498.

² Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М., 2012. С. 199.

³ Общий устав императорских Российских университетов от 5 ноября 1804 г... П. 146.

⁴ Общий устав императорских Российских университетов от 18 июня 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX, ч. 1. Ст. 39752.

⁵ Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1 / под общ. ред. В.А. Ежова, Ю.Д. Марголиса, Г.Г. Прошина. Л., 1963. С. 325.

⁶ Захаров В.В. Основные этапы эволюции правового статуса университета в России (историко-юридический очерк) // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 1 (25). С. 28. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-evolyutsii-pravovogo-statusa-universiteta-v-rossii-istoriko-yuridicheskiy-ocherk> (дата обращения: 28.04.2017).

⁷ Ростовцев Е.А. Петербургский университет в фокусе правительственной политики (1860-е — начало 1880-х гг.) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 4. С. 129.

⁸ Протокол совещания Совета высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 6 ноября 1901 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 2.

⁹ Письмо министра народного просвещения П.С. Ванновского товарищу министра народного просвещения Г.Э. Зенгеру от 19 декабря 1901 г. № 604 // ГИА СПб. Ф. 14 Оп. 1 Д. 9703. Л. 8.

установ¹⁰. Г.Э. Зенгеру было предложено образовать по своему усмотрению комиссию по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения. При этом предлагалось в качестве образца использовать Правила о профессорском дисциплинарном суде Варшавского университета 1869 г.¹¹

После подготовки проекта Временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения в конце 1901 г. данный проект был направлен председателем комиссии Г.Э. Зенгером министру народного просвещения П.С. Ванновскому¹².

Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г.¹³ (далее — Временные правила) изначально были единственным документом, за исключением Правил о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г. (далее — Правила о взысканиях), которым регулировалась деятельность профессорских дисциплинарных судов в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения (далее — Суды, дисциплинарные суды).

Изначально предполагалось, что будет существовать также локальное регулирование деятельности дисциплинарных судов на уровне высших учебных заведений в виде специальных инструкций для Суда, принимаемых советами университетов и аналогичными учреждениями в других учебных заведениях. Например, в Варшавском уни-

верситете, где дисциплинарный суд существовал с 1864 г., имелась подобная инструкция, которая и послужила образцом при создании Временных правил, действовавших сразу во всех вузах Министерства народного просвещения. Предпринимались также попытки создать на локальном уровне особые дисциплинарные кодексы, в которых содержался бы перечень студенческих проступков и соответствующих им дисциплинарных взысканий. Но дальше намерений процесс не продвинулся из-за того, что дискреционные полномочия Судов при выборе того или иного взыскания были установлены во Временных правилах предельно широко.

Временные правила включали 19 параграфов и примечания к некоторым из них без формального разделения на нормы, устанавливающие порядок судопроизводства, и нормы, посвященные непосредственно судоустройству. Тем не менее первые четыре параграфа Временных правил *de facto* касались судоустройства и полномочий дисциплинарного суда.

В соответствии с данными правилами, дисциплинарные суды состояли из пяти судей и пяти кандидатов в судьи, которые выбирались из числа профессоров, входящих в ученый совет университетов и аналогичные по функциям органы в других образовательных организациях. В полномочия дисциплинарных судов входило исключительно разбирательство по студенческим дисциплинарным проступкам.

В § 1 Временных правил устанавливалось, что члены и кандидаты в члены Суда избираются Советом университета или аналогичным ему органом в других высших учебных заведениях ежегодно из числа профессоров, входящих в соответствующий орган. Особо отмечалось, что в Демидовском юридическом лицее, в ветеринарных институтах, в высших технических учебных заведениях, в Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства, на Высших женских курсах и в женском Медицинском институте, исходя из местных условий данных учебных заведений, в состав Суда могут избираться от трех до пяти членов Суда и аналогичное число кандидатов в них. Для остальных высших учебных заведений предусматривалось избрание пяти членов дисциплинарного суда и пяти кандидатов.

Из числа избранных судей Совет университета или аналогичный ему орган в других высших учебных заведениях выбирал председателя дисциплинарного суда, который

¹⁰ Ольховский Е.Р. Студенческое движение на рубеже XIX–XX в. Зарождение большевистской организации в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 6. Л., 1989. С. 111.

¹¹ Правила о профессорском дисциплинарном суде Варшавского университета 1869 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 10.

¹² Рапорт от Г.Э. Зенгера к министру народного просвещения П.С. Ванновскому от 7 января 1902 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 63.

¹³ Временные правила о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г. // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ГИА СПб). Ф. 14 Оп. 1 Д. 9703. Л. 2.

в свою очередь назначал секретаря Суда из числа избранных судей.

Комиссия по разработке Временных правил также подготовила проект предполагаемой лестницы наказаний: Правила о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г.¹⁴

Все дисциплинарные взыскания были перечислены от самого мягкого (замечание) до наиболее тяжкого (исключение из учебного заведения без права поступать в другие высшие учебные заведения). При этом последние три взыскания (увольнение, удаление, исключение) составляли группу «высших взысканий», каждое из которых должно было быть утверждено попечителем учебного округа, в то время как остальные взыскания подлежали немедленному исполнению после вынесения приговора дисциплинарным судом.

В окончательном варианте «лестница взысканий» выглядела следующим образом: «(1) замечание; (2) выговор; (3) лишение права участвовать в курсовых собраниях и быть избранным в старосты курса; (4) перевод в вольнослушатели на срок не более одного учебного полугодия с возможностью восстановить статус при безукоризненном поведении; (5) нравственное порицание, налагаемое только в качестве дополнения к взысканиям, предусмотренным § 3 и 4 Правил о взысканиях; (6) увольнение из высшего учебного заведения до начала ближайшего или следующего за ним учебного года без запрета немедленного поступления в другие высшие учебные заведения на общем основании или же с ограничением такого права; (7) удаление из высшего учебного заведения бессрочно с запретом поступать в другие высшие учебные заведения на общем основании до начала второго учебного года; (8) увольнение из высшего учебного заведения бессрочно без права поступления в другие высшие учебные заведения (исключение)»¹⁵.

Первое заседание Совета Санкт-Петербургского университета, на котором обсуждался вопрос деятельности дисциплинарного суда, состоялось 16 сентября 1902 г.¹⁶ Со-

вет рассмотрел циркулярные предложения министра народного просвещения от 27 августа 1902 г. № 23119 и 23120 о введении соответственно Временных правил и Правил о взысканиях.

Во исполнение этих актов состоялись выборы членов дисциплинарного суда. Судьями единогласно были выбраны А.И. Введенский, Н.И. Веселовский, А.А. Иностранцев, Ф.Ф. Мартенс и Ю.В. Сохоцкий, а кандидатами стали А.Н. Коркин, Л.И. Петражицкий, Ф.Ф. Петрушевский, В.Д. Смирнов, Г.В. Форстен. Спустя два дня, 18 сентября 1902 г., все выбранные в члены дисциплинарного суда были утверждены попечителем Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепом¹⁷.

Первое дело дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета касалось участников студенческой забастовки от 18 марта 1903 г.¹⁸; всего состоялось шесть заседаний дисциплинарного суда, посвященных данному делу. Из 68 студентов, которые были замечены инспекцией на сходке, 60 были подвергнуты различным дисциплинарным взысканиям, с четверых были сняты обвинения, а в отношении оставшихся четверых было решено рассмотреть дело позднее в связи с нахождением данных студентов на лечении. На основании § 18 Временных правил решение дисциплинарного суда было представлено ректором на экстренном заседании ученого совета 31 марта 1903 г.¹⁹

Одной из причин временного прекращения деятельности Суда в 1904–1907 гг. можно назвать установление на уровне Министерства народного просвещения особого порядка рассмотрения сходок студентов, имеющих политический характер²⁰. В своем докладе императору от 25 сентября 1904 г.

¹⁴ Правила о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г. // ГИА СПб. Ф. 14 Оп. 1 Д. 9703. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ Журналы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1902 г. СПб., 1903. № 58. С. 78.

¹⁷ Циркуляр от попечителя Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепа к ректору Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстену от 18 сентября 1902 г. № 12887 // ГИА СПб. Ф. 14 Оп. 1 Д. 9703. Л. 7.

¹⁸ Протокол предварительного заседания дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета от 20 марта 1903 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 204.

¹⁹ Журналы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1903 г. СПб., 1904. № 59. С. 76.

²⁰ Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1 / под общ. ред. В.А. Ежова, Ю.Д. Марголиса, Г.Г. Прошина. Л., 1963. С. 156.

министр народного просвещения В.Г. Глазов обосновывал затруднительность для такого академического органа, как дисциплинарный суд, разрешать дела о крупных политических сходах. Министр предлагал передать полномочия по ведению подобных дел начальникам учебных заведений, которые своей властью могли бы налагать на участников студенческих сходов взыскания, предусмотренные Правилами о взысканиях. Члены Суда при этом могли привлекаться начальником учебного заведения к «совещательному содействию»²¹. Также предлагалось предоставить начальнику учебного заведения право подвергнуть увольнению любого студента, нарушившего запрет появляться в учебном заведении.

Указанные полномочия начальников учебных заведений были утверждены императором, о чем попечителей учебных округов известили посредством циркуляра из Министерства народного просвещения от 3 октября 1904 г.²²

Деятельность дисциплинарного суда в последующем фактически прекратилось, хотя выборы его членов проводилась ежегодно до 1917 г. С мая 1914 г. по июнь 1916 г. Суд не рассмотрел ни одного дела. Об этом

свидетельствует письмо из Министерства народного просвещения ректору Санкт-Петербургского университета, датированное 17 июня 1916 г.²³

Деятельность Суда на протяжении всего времени его существования не находила поддержки со стороны большей части студенчества. Достаточно упомянуть, что первым Суд во главе с И.Я. Фойницким рассматривал дело о сходе студентов от 18 марта 1903 г., в резолюции которой содержался призыв к студентам не участвовать в «предстоящей комедии с дисциплинарным судом»²⁴.

В целом существование и функционирование Суда представляло собой компромисс между интересами администрации вуза и студенчества, поскольку позволило погасить недовольство студентов тем, что судопроизводством занимался исполнительный орган Университета — Правление, и одновременно уменьшить его загруженность. Но главное в этой реформе современники не заметили среди политических баталий: Суд являлся одним из возрожденных элементов университетской автономии, которая как целостная система была утрачена с упразднением Университетского устава 1863 г.

²¹ Доклад министра народного просвещения В.Г. Глазова Императору Николаю II от 25 сентября 1904 г. // Российский исторический государственный архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 177.

²² Циркуляр из Министерства народного просвещения попечителям учебных округов от 3 октября 1904 г. № 38 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 187.

²³ Письмо из Министерства народного просвещения ректору Э.Д. Гримму от 17 июня 1916 г. № 6089 // ГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1 Д. 11163. Л. 15.

²⁴ Протокол предварительного заседания дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета от 20 марта 1903 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 220.

Литература

1. Временные правила о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г. // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ГИА СПб). Ф. 14 Оп. 1 Д. 9703.
2. Доклад министра народного просвещения В.Г. Глазова Императору Николаю II от 25 сентября 1904 г. // Российский исторический государственный архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 151. Д. 297.
3. Журналы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1902 г. СПб., 1903. № 58.
4. Журналы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1903 г. СПб., 1904. № 59.
5. Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1 / под общ. ред. В.А. Ежова, Ю.Д. Марголиса, Г.Г. Прошина. Л., 1963. 319 с.
6. Захаров В.В. Основные этапы эволюции правового статуса университета в России (историко-юридический очерк) / В.В. Захаров // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 1 (25). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-evolyutsii-pravovogo-statusa-universiteta-v-rossii-istoriko-yuridicheskiy-ocherk> (дата обращения: 02.04. 2017).
7. Общий устав императорских Российских университетов от 18 июня 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX, ч. 1. Ст. 39752.
8. Общий устав императорских Российских университетов от 5 ноября 1804 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXVIII, ч. 1. Ст. 21498.

9. Ольховский Е.Р. Студенческое движение на рубеже XIX–XX в. Зарождение большевистской организации в Петербургском университете / Е.Р. Ольховский // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 6. Л., 1989.
10. Письмо из Министерства народного просвещения ректору Э.Д. Гримму от 17 июня 1916 г. № 6089 // ГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1 Д. 11163.
11. Письмо министра народного просвещения П.С. Ванновского товарищу министра народного просвещения Г.Э. Зенгеру от 19 декабря 1901 г. № 604 // ГИА СПб. Ф. 14 Оп. 1 Д. 9703.
12. Правила о профессорском дисциплинарном суде Варшавского университета 1869 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297.
13. Правила о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г. // ГИА СПб. Ф. 14 Оп. 1 Д. 9703.
14. Протокол предварительного заседания дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета от 20 марта 1903 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297.
15. Протокол совещания Совета высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 6 ноября 1901 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297.
16. Рапорт от Г.Э. Зенгера к министру народного просвещения П.С. Ванновскому от 7 января 1902 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297.
17. Ростовцев Е.А. Петербургский университет в фокусе правительственной политики (1860-е — начало 1880-х гг.) / Е.А. Ростовцев // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 4.
18. Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М., 2012 // URL: <http://elib.spbstu.ru/dl/2/5148.pdf/en/info>
19. Циркуляр из Министерства народного просвещения попечителям учебных округов от 3 октября 1904 г. № 38 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297.
20. Циркуляр от попечителя Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепа к ректору Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстену от 18 сентября 1902 г. № 12887 // ГИА СПб. Ф. 14 Оп. 1 Д. 9703.

Особенности реализации принципа выборности народных судей и народных заседателей в РСФСР в 60-е годы XX столетия

*Латышева Наталья Аркадьевна,
начальник отдела делопроизводства,
судебной статистики и систематизации законодательства
Архангельского областного суда,
кандидат юридических наук
n. latysheva@arhcourt.ru*

Действие принципа выборности народных судей и народных заседателей в период судебного управления 60-х годов прошлого столетия позволяло рассматривать советский суд как выборный орган государственной власти. Подотчетность судей и народных заседателей избирателям, соответствующим Советам депутатов трудящихся структурировала базисную особенность действующей в рассматриваемый период системы формирования и деятельности судебного корпуса.

Ключевые слова: *народный суд, выборы состава районных (городских) народных судов, выборы народных заседателей.*

Peculiarities of Implementation of People's Judge and People's Assessor Electivity Principle in RSFSR in 60s of XX Century

*Latysheva Natalya A.,
Head of the Department of Record Keeping, Judicial Statistics
and Systematization of Legislation of the Arkhangelsk Regional Court,
Candidate of Legal Sciences*

The principle of election of people's judges and people's assessors in the period of judicial management of the 60-ies of the last century allowed to consider the Soviet court as an elected body. Accountability of judges

and people's assessors to the voters and the relevant Councils of people's deputies, has formed the base current in the period of formation and activities of the judiciary.

Key words: *people's court, the election of the composition of the district (city) people's courts, the election of people's assessors.*

К началу 60-х годов XX века основы построения системы правосудия и судебного управления доказали свою жизнеспособность в рамках существовавшей в рассматриваемый период времени отечественной государственности. Если в довоенный период лишь 6 % народных судей имели высшее образование, то в 1960-е гг. задача качественного улучшения уровня образования претендентов на данные должности стала государственной. По итогам работы, осуществляемой в 1960-е гг., уже к 1976 году процент народных судей, имевших высшее юридическое образование, достигнет 97,6 %, а из 9230 избранных судей в СССР почти 7 тыс. были избраны повторно¹. Народные судьи, как правило, имели продолжительный стаж судебной деятельности — свыше 10 лет. Данные достижения стали результатом активизации работы с кадрами.

Порядок выборов состава районных (городских) народных судов регулировался соответствующим Положением². В соответствии со ст. 113 Конституции РСФСР³ и ст. 28 Закона о судеустройстве РСФСР⁴ народные судьи районных (городских) народных судов избирались гражданами района, города на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет. Народные заседатели районных (городских) народных судов избирались на общих собраниях рабочих, служащих и крестьян по месту их работы или жительства, военнослужащих — по воинским частям открытым голосованием сроком на два года. Народным судьей и народным заседателем мог быть избран гражданин РСФСР, обладавший избирательным правом и достигший ко дню выборов 25-летнего возраста.

Подготовка к выборам народных судей характеризовалась как система плановых мероприятий⁵. Председателям судов и народным судьям в период подготовки к выборам предлагалось как можно больше дел рассматривать в выездных судебных сессиях при создании условий для широкого информирования советских граждан о судебных процессах, а также обобщать наказания и предложения избирателей. Активность народных судей в работе с избирателями увеличивалась в период перед предстоящими выборами. К примеру, если за 9 месяцев 1969 года народные судьи Архангельской области осуществили 334 отчетных доклада, то за аналогичный период 1970 года — 522 выступления с отчетами⁶.

Выборы народных судей районных (городских) народных судов в исследуемый период проводились в течение одного дня, общего для РСФСР. При этом день выборов устанавливается Президиумом Верховного Совета РСФСР не позднее, чем за 30 дней до выборов. Обязательным являлось их проведение в нерабочий день.

Согласно ст. 28 Положения о выборах народных судей 1960 года правом на выдвижение кандидатов в народные судьи районных (городских) народных судов обеспечивались общественные организации и общества трудящихся: партийные организации, профессиональные союзы, кооперативные организации, организации молодежи и культурные общества в лице их центральных, республиканских, краевых, областных, окружных, районных, городских органов, а равно общим собраниям рабочих и служащих — по предприятиям и учреждениям, крестьян — по

¹ Суд в СССР / под ред. Л.Н. Смирнова и др. М., 1977. С. 322.

² Положение о выборах районных (городских) народных судов РСФСР (утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 октября 1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 41. Ст. 608.

³ Конституция (Основной Закон) РСФСР // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

⁴ Закон РСФСР от 27.10.1960 «О судеустройстве РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 588.

⁵ Постановление президиума Архангельского областного суда от 06.04.1970 № 10 // Архив Архангельского областного суда. Материалы по представлению кандидатур к избранию в состав облсуда, народных судей, освобождению и восстановлению // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Информация о состоянии работы народных судей области по организации и проведению отчетов перед избирателями // Архив Архангельского областного суда. Материалы по представлению кандидатур к избранию в состав облсуда, народных судей, переводу, освобождению и восстановлению // http://oblsud.arh.sudrf.ru/modules.php?cl=1&id=41&name=info_court

колхозам и селам, рабочих и служащих совхозов — по совхозам, военнослужащих — по воинским частям. Рекомендация на должность народного судьи давалась посредством одобрения личности потенциального кандидата первым секретарем райкома партии (КПСС. — *Н.А.*), а также председателем районного исполнительного комитета депутатов трудящихся. Представления о составе районных судей перед предстоящими выборами вносились председателями областных и иных приравненных судов на имя первых секретарей горкомов КПСС. Дата выборов дублировалась в решениях исполнительного комитета Советов депутатов трудящихся областного значения во исполнение Указа Президиума Верховного Совета РСФСР о едином дне выборов народных судей районных (городских) народных судов. Списки районных (городских) народных судов с указанием количества народных судей, подлежащих избранию по каждому району, городу публиковались заранее в печатных изданиях. Избирательная документация: бланки списков избирателей, протоколы голосования, удостоверения об избрании в большинстве своем подготавливались организационно-инструкторскими или общими отделами облисполкомов. Исполкомы окружных, районных, городских, сельских и поселковых Советов народных депутатов оборудовали на каждом избирательном участке действующие в предвыборный период агитпункты, при которых организовывались столы справок по юридическим вопросам. В период перед выборами разворачивалась широкая агитационно-массовая и культурно-просветительная работа. За проведением собраний по подготовке к выборам осуществлялся постоянный контроль со стороны территориальных Советов депутатов трудящихся.

Образование избирательных участков производилось не позднее, чем за 25 дней до выборов из определенного расчета численности населения. В городах, поселках, а также в селах и на территории сельсоветов, насчитывающих более 2000 человек населения, избирательные участки формировались из расчета: один избирательный участок на 1500–3000 человек населения. Непосредственно подача голосов избирателями производилась в день выборов с 06.00 до 22.00 по местному времени. Кандидат в народные судьи, получивший абсолютное большинство голосов, т. е. больше половины всех голосов, поданных по району, городу и признанных действительными, считался избранным.

Базовыми показателями для впервые выдвигаемых кандидатов на должности народных судей были: классовое происхождение — из рабочих или крестьян, отношение к членству в КПСС, для мужчин — служба в рядах Советской армии. Полученное юридическое образование и трудовая деятельность до поступления в вуз образовывали основной состав характеризующих данных. Студенты юридических факультетов последнего года обучения являлись кадровым резервом для замещения должностей народных судей. В каждом из нескольких юридических институтов СССР действовали комиссии по распределению молодых специалистов, где осуществлялся первичный анализ годности к судебной работе. Кроме общего качества учебы на юридическом факультете, обязательным элементом положительной характеристики кандидата являлось участие в общественно полезной деятельности. Претенденты на должности народных судей, как правило, являлись либо общественными помощниками прокуроров, либо трудились в общественных юридических консультациях, либо были лекторами Всесоюзного общества «Знание», а также являлись старостами учебных групп и их заместителями.

Большинство народных судей избирались повторно. Однако некоторым все же приходилось покидать судейские кресла. К примеру, при подготовке к выборам 1970 года Архангельским областным судом не были рекомендованы к повторному избранию трое народных судей как «не справившиеся с работой».

После утверждения результатов выборов народных судей председатели областных и иных приравненных судов в порядке применения ст. 31 Закона о судеустройстве РСФСР направляли представления в адрес председателей исполкомов районных (городских) советов депутатов трудящихся о рассмотрении на очередных сессиях Советов депутатов трудящихся вопросов об утверждении в своих должностях кандидатур председателей районных (городских) судов.

Приоритетность задачи надлежащего формирования судейского корпуса путем выборов народных судей подчеркивалась усилением организационного начала и оказанием всецелой помощи уполномоченными государственными структурами в целях недопущения малейших срывов в их проведении. В день выборов Министерство юстиции РСФСР в период до 1963 и после 1970 годов организовывало работу горячих линий для оперативного информирования в

случае чрезвычайных ситуаций. На основании распоряжения министра юстиции РСФСР в день выборов народных судей по всей Федерации устанавливалось дежурство руководства и судей судов областного значения⁷.

За председателями исполнительных комитетов областных советов депутатов трудящихся оставалось решение о проведении выборов народных судей вместо выбывших до истечения срока полномочий. При этом для досрочного освобождения народных судей районных судов от должностей по причинам, связанным с семейными обстоятельствами, болезнью, переводом на другую работу, требовалось уведомление и получение соответствующего согласования от Верховного Суда РСФСР. Для организации контроля в таких случаях председатели областных судов обязаны были сообщать о времени назначаемых выборов в Верховный Суд РСФСР, а учетные материалы на кандидата в народные судьи направлять в его отдел кадров.

Судопроизводство в народных судах происходило коллегиально, при этом рассмотрение дел во всех судах по первой инстанции осуществлялось в составе судьи и двух народных заседателей⁸. Выборы в народные заседатели также имели свои особенности. Общие собрания, повестку дня которых образовывали выборы народных заседателей, должны были проводиться на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, воинских подразделениях и населенных пунктах (станциях, деревнях, хуторах, аулах, поселках, а в городах — по кварталам, улицам и т. п.) с числом избирателей не менее 100 человек. Если число избирателей было менее 100 человек, то собрания осуществлялись совместно с коллективами других предприятий, учреждений, колхозов, совхозов, воинских подразделений и избирателями, проживающими в других населенных пунктах.

Дата выборов народных заседателей районных (городских) народных судов назначалась Президиумом Верховного Совета РСФСР не позднее, чем за 30 дней до истечения срока их полномочий. Кандидатами в народные заседатели должны были выдвигаться авторитетные, пользующиеся уважением люди, достойные высокой чести от-

правлять правосудие. Согласно ст. 29 Закона о судеустройстве РСФСР в связи с предстоящими выборами народных заседателей в состав районных и городских народных судов, исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся областного и иного приравненного значения согласовывали количество народных заседателей в районах.

В ходе проведения подготовки к выборам народных заседателей предполагалось, что среди народных заседателей должны быть профессиональные педагоги, воспитатели, врачи и другие лица, имеющие опыт работы с молодежью, которые могли бы оказывать квалифицированную помощь при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних. К примеру, в портовом, лесопромышленном Архангельске, насчитывающем в 1967 году около 310 тыс. человек населения, было избрано 1050 народных заседателей. На всей территории области в том же году, где проживало 1 млн 400 тыс. жителей, избранными стали 4580 народных заседателей, из них впервые — 2475 (54 %). Социально характеризующие показатели для данной группы избранных народа оказались следующие: члены КПСС — 1783, члены ВЛКСМ — 123; мужчины — 2477, женщины — 2053; рабочие — 1788, колхозники — 252, служащие — 2385 (52 %), пенсионеры — 105. В период данной избирательной кампании народными судьями области было осуществлено 132 отчетных доклада, прочитано 119 лекций и бесед, опубликовано 26 заметок в районных газетах, рассказывающих о работе народных заседателей. Важность выборов народных заседателей определялась и тем обстоятельством, что на них в случае временного отсутствия народного судьи могли быть возложены обязанности по отправлению правосудия. Тем не менее советские граждане не проявляли активности в стремлении к получению статуса народного заседателя. По итогам состоявшихся выборов ответственным должностным лицам часто приходилось констатировать неоспоримый факт — низкий образовательный уровень большинства народных заседателей. В 1970 году лишь 8 % из них имели высшее образование, значительное количество избранных граждан являлись людьми малоинициативными⁹. С целью ликвидации данного

⁷ Приказ по Архангельскому областному суду от 03.12.1970 № 183 // Архив Архангельского областного суда.

⁸ Закон РСФСР от 27.10.1960 «О судеустройстве РСФСР» (ст. 10) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 588.

⁹ Письмо председателя Архангельского областного суда начальнику отдела кадров Министерства юстиции РСФСР от 18 декабря 1970 г. // Архив Архангельского областного

факта судьями областного суда разрабатывались тексты лекций, публиковались разъясняющие статьи и осуществлялись выступления по радио и телевидению.

Исполкомы депутатов трудящихся осуществляли необходимые организационные мероприятия, направленные на реализацию принципа народовластия при осуществлении правосудия, ими, в частности, определялись предприятия, колхозы, совхозы, воинские части, населенные пункты, в которых должны быть избраны народные заседатели, а также время и место проведения собраний для этих выборов, проводились общие собрания и протоколировались их результаты с составлением списков избранных народных заседателей с обязательным направлением одного экземпляра соответствующему председателю районного (городского) народного суда. На председателей исполнительных комитетов окружных, районных и городских Советов депутатов трудящихся возлагалась обязанность выдачи удостоверения об избрании каждому народному заседателю.

Выборы народных судей и народных заседателей после 1981 года в целях экономии государственных средств стали проводиться одновременно с выборами в местные Советы народных депутатов. Были усовершенствованы и правила об образовании избирательных участков, основным критерием которых станет не численность населения, а численность избирателей. Однако, как и в более ранний период, в подготовке и проведении выборов народных судей принимали деятельное участие профсоюзные, комсомольские и другие общественные организации под общим руководством партийных органов. Основ-

суда. Материалы по представлению кандидатов к избранию в состав облсуда, народных судей, переводу, освобождению и восстановлению // http://oblsud.arh.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=39

Литература

1. Абдулин Р.С. Судебное управление в советской России в период с 1945 по 1970 г. / Р.С. Абдулин // История государства и права. 2012. № 19. С. 47–50.
2. Ильюхов А.А. Зарубежный опыт становления и развития суда присяжных заседателей: сравнительный правовой анализ с российским судом присяжных / А.А. Ильюхов, А.М. Новиков // Российский судья. 2015. № 3. С. 29–32.
3. Манин В.М. Порядок организации и проведения выборов районных (городских) народных судов / В.М. Манин, В.Д. Тесленко. М. : Юридическая литература, 1982. 62 с.
4. Марьин А.Е. Особенности развития суда народных заседателей в Российской Федерации в 1991–2004 гг. / А.Е. Марьин // История государства и права. 2013. № 12. С. 47–50.
5. Симкин Л.С. Деятельность народного суда по предупреждению преступлений / Л.С. Симкин. М. : Юридическая литература, 1983. 112 с.
6. Суд в СССР / под ред. Л.Н. Смирнова, А.Я. Сухарева, В.В. Куликова, С.Г. Банникова и др. М. : Юридическая литература, 1977. 384 с.

ной стержень организации социалистического правосудия заключался в декларации «подконтрольности избирателям всей деятельности суда»¹⁰. При этом утверждение, что «характерной чертой выборов народных судей и народных заседателей является широкое участие трудящихся в их организации и проведении»¹¹, представляется не лишенным своего фундаментального основания.

Интерес к историко-правовому анализу реализации принципа выборности народных судей и народных заседателей свидетельствует о его безусловной значимости для развития отечественного судоустройства. Некоторыми исследователями институт народных заседателей воспринимается лишь как формальный атрибут народного правосудия. Данная точка зрения базируется на выводе о том, что практически решения принимались не народными заседателями, а председательствующими судьями¹². Другие мудро призывают к необходимости внимательного подхода к традиции и опыту формирования оптимального состава суда с участием народных заседателей¹³. Дискуссионность темы народного представительства при осуществлении правосудия еще более обостряется в ходе совершенствующегося законодательства о суде с участием присяжных заседателей в современный период.

¹⁰ Симкин Л.С. Деятельность народного суда по предупреждению преступлений. М., 1983. С. 76.

¹¹ Манин В.М., Тесленко В.Д. Порядок организации и проведения выборов районных (городских) народных судов. М., 1982. С. 10.

¹² См., напр.: Ильюхов А.А., Новиков А.М. Зарубежный опыт становления и развития суда присяжных заседателей: сравнительный правовой анализ с российским судом присяжных // Российский судья. 2015. № 3. С. 32.

¹³ См., напр.: Марьин А.Е. Особенности развития суда народных заседателей в Российской Федерации в 1991–2004 гг. // История государства и права. 2013. № 12. С. 47–50.

Некоторые аспекты правового регулирования деятельности временных органов советского государственного управления Кенигсбергской областью

*Рубашкин Владимир Владимирович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Юридического института
Балтийского федерального университета имени И. Канта
v.rubashkin@gmail.com*

В статье анализируются деятельность временных органов советского государственного управления Кенигсбергской областью в 1945 году и правовые основы их функционирования.

Ключевые слова: Кенигсбергская область, органы военного управления, советское государственное управление, Временное управление по гражданским делам.

Some Aspects of Legal Regulation of Activity of Interim Soviet State Government Bodies of the Königsberg Region

*Rubashkin Vladimir V.,
Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law
of the Law Institute of the Immanuel Kant Baltic Federal University*

The article analyses the activities of the temporary Soviet governance institutions of Königsberg region in 1945 and the legal grounds of its functioning.

Key words: Königsberg region, public administration, The Temporary civil administration.

Присоединение к РСФСР после Великой Отечественной войны немецкого города Кенигсберга и прилегающих к нему земель (сегодня — Калининградской области) представляет собой уникальный случай, открывающий богатые возможности для исследования процесса формирования буквально с нуля системы советского государственного управления на новоприобретенной территории. К сожалению, деятельность первых органов управления областью фрагментарно рассматривалась историками¹, но не исследовалась юристами. В статье нами предпринята попытка историко-пра-

вового анализа деятельности временных органов советского государственного управления Кенигсбергской областью в 1945 году и основных нормативно-правовых актов, регулировавших их функционирование.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении»² в объявленных на военном положении местностях все функции органов государственной власти в сфере обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности передавались военным советам фронтов, армий и военных округов. Таким образом, ключевая особенность советского государственного управления в рассматриваемый период состояла в том, что оно осуществлялось непосредственно военными органами.

Поэтому после штурма Кенигсберга с 10 апреля 1945 года город и прилегающая к нему территория фактически перешли под временное военное управление Военного

¹ См., напр.: Крети́нин Г.В. Военные комендантуры 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии (октябрь 1944 — май 1945 года) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 12. С. 67–75 ; Маслов В.Н. Из истории становления Калининградской области: первое совещание при Кенигсбергском областном управлении по гражданским делам 26–27 июня 1946 года // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 12. С. 83–96.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» // СПС «КонсультантПлюс».

Совета 3-го Белорусского фронта, осуществлявшееся через военные комендатуры.

Согласно директиве начальника штаба Военного Совета 3-го Белорусского фронта от 30 марта 1945 года отдел по руководству военными комендатурами должен был сформировать управление военной комендатуры Кенигсберга. Кроме того, формировались 8 районных военных комендатур Кенигсберга. 9 апреля, в последний день штурма города и крепости, приказом заместителя начальника штаба Военного Совета 3-го Белорусского фронта, кроме 8 районных комендатур, на основе штата управления была создана городская (центральная) комендатура³.

Согласно п. 1 Постановления Военного Совета 3-го Белорусского фронта от 10 мая 1945 года № 028⁴ для решения гражданских задач и в целях обеспечения управления местным немецким населением Военный Совет 3-го Белорусского фронта постановил временно создать в г. Кенигсберге при комендатуре города Временное управление по гражданским делам. Пунктом 2 Постановления было установлено, что во главе управления стоит заместитель коменданта города по гражданскому управлению. Следовательно, Временное управление по гражданским делам в своей деятельности не было самостоятельным и было полностью подчинено военной комендатуре Кенигсберга и контролировалось ей.

Согласно п. 3 данного Постановления по основным направлениям деятельности управления в его «в составе» учреждены административный, паспортный, коммунально-бытовой отделы, а также отделы местной промышленности, торговли и здравоохранения.

Здесь отметим, что использование в приведенном пункте термина «состав», по нашему мнению, несколько некорректно. Уместнее было бы использовать здесь понятие «структура». Под составом же обычно понимается конкретный перечень должностных лиц того или иного органа.

Установленная структура управления построена по функциональному критерию и дает наглядное представление о тех первичных задачах, которые должны были решаться силами Временного управления по

гражданским делам. Это учет и паспортный контроль населения на подведомственной территории, восстановление местной промышленности, налаживание торговли, коммунально-бытового и медицинского обслуживания населения.

В рассматриваемом нами постановлении в п. 8 указывался и конкретный срок организации Временного управления по гражданским делам — до 15 мая 1945 года. Сжатые сроки (всего 5 дней на создание нового органа управления) легко объяснялись спецификой военного времени. Решать управленческие задачи на местах было необходимо быстро. В то же время очевидно, что на новоприобретенной территории объем работы был колоссальным.

Во исполнение Постановления Военного Совета 3-го Белорусского фронта от 10 мая 1945 года № 028 военный комендант города и крепости Кенигсберг 11 мая 1945 года издал Приказ № 021 об организации при комендатуре города Временного гражданского управления⁵. Согласно п. 3 Приказа формирование отделов и отделений гражданского управления было возложено на начальника строевого отдела управления коменданта города.

Как мы видим, особенностью правового статуса Временного гражданского управления являлись его полная подчиненность и подотчетность военным органам.

В целях организации работы нового органа военным комендантом города была разработана Временная инструкция по организации Временного гражданского управления в г. Кенигсберге⁶. Данный акт представлял особую ценность, так как его анализ позволяет во многом уточнить функции Временного управления по гражданским делам. В соответствии с п. 1–7 ст. 1 Временной инструкции Временное гражданское управление организовывалось в целях обеспечения управления населением города.

К основным задачам Временного гражданского управления Временной инструкцией были отнесены:

- учетная регистрация населения, определение его состава, профессии, выдача на руки временных документов / справок;
- расселение населения по районам исходя из наличия жилого фонда, приведение

³ Центральный архив Министерства обороны. Ф. 241. Оп. 2662. Д. 7. Л. 1–2.

⁴ Государственный архив Калининградской области. Ф. 330. Оп. 2. Д. 1. Л. 7–12.

⁵ Государственный архив Калининградской области. Ф. 330. Оп. 2. Д. 1. Л. 13.

⁶ Государственный архив Калининградской области. Ф. 330. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–10.

жилого фонда и районов расположения немецкого населения в порядок, содержание домов и районов, занятых немецким населением, в надлежащем порядке;

- систематический контроль и наблюдение за немецким населением с целью недопущения самовольного покидания установленного им местожительства;

- подготовка и представление коменданту города и крепости всех необходимых приказов и объявлений в части установления в городе твердого режима, поддержания спокойствия, поведения населения и прочих вопросов, касающихся администрации;

- организация пуска различных предприятий местной промышленности, коммунально-бытовых предприятий, организация рыбной ловли, торговли местного населения;

- организация массового засева населением огородов и посевов в целях обеспечения себя продовольствием;

- организация медицинской помощи населению.

Как мы видим, перечень основных задач Временного гражданского управления отражал прежде всего необходимость нормализации жизни мирного населения на подконтрольной территории.

Пункты 1–4 ст. 2 Временной инструкции посвящены общей организации Временного гражданского управления. Указано, что во главе Временного гражданского управления стоит заместитель военного коменданта города и крепости по гражданскому управлению, подчиняющийся непосредственно военному коменданту города и крепости. Временное гражданское управление состоит из 7 отделов: административного, паспортного, местной промышленности, коммунально-бытового, торговли, продовольственного и здравоохранения. Это на два отдела больше, чем было предусмотрено в Постановлении Военного Совета 3-го Белорусского фронта от 10 мая 1945 года № 028.

В районных военных комендатурах во главе Временного гражданского управления стоял заместитель военного коменданта по гражданскому управлению, который непосредственно подчинялся военному коменданту района, а по вопросам управления гражданским населением выполнял указания и директивы Временного гражданского управления при коменданте города и крепости Кенигсберг. При районных военных комендатурах образовывались шесть отделений

Временного гражданского управления: административное отделение, паспортное бюро, которое было по своему статусу приравнено к отделению, отделение промышленности и торговли, отделение коммунально-бытовое и отделение здравоохранения.

Временная инструкция по организации Временного гражданского управления в Кенигсберге в ст. 3 перечисляет функции должностных лиц Временного гражданского управления. Так, согласно п. 1 ст. 3 Временной инструкции на заместителя военного коменданта по гражданскому управлению были возложены функции по разработке необходимых справок, расчетов, объявлений, приказов, касающихся вопросов управления гражданским населением и администрации; по разработке материалов и документов по вопросам поддержания порядка и спокойствия, функции по руководству учетом населения, выдачей ему временных документов; по принятию мер к пуску предприятий мелкой промышленности и коммунально-бытовых предприятий; функции по ведению учета и отчетности по численности немецкого населения, по работающим промышленным, коммунально-бытовым и торговым предприятиям, по продовольствию.

Нам представляется, что приведенные функции заместителя военного коменданта по гражданскому управлению в основном дублируют функции отделов управления. Получалось, что заместитель военного коменданта по гражданскому управлению возглавлял работу каждого отдела Временного гражданского управления и, по сути, нес личную ответственность за надлежащее исполнение отделами возложенных на них функций.

Функции заместителей районных военных комендантов по гражданскому управлению во Временной инструкции прямо не назывались, однако в примечании к ст. 3 было указано, что их функции «в основном те же, но применительно к масштабам своего района». Это, конечно, способствовало процессуальной экономии и было продиктовано, по нашему мнению, сжатыми сроками организации Временного гражданского управления и необходимостью скорейшего выполнения неотложных задач по нормализации обстановки на контролируемой территории. В то же время формулировка «в основном те же», на наш взгляд, предполагает возможность некоторых различий по функциям заместителя военного коменданта по гражданскому управлению и замести-

телей районных военных комендантов по гражданскому управлению. Однако не представляется возможным установить, в чем именно эти различия состояли, помимо очевидной разницы в подчиненности и подведомственной территории.

Следует отметить, что изначально Временная инструкция в структуре Временного гражданского управления предусматривала продовольственный отдел и продовольственные отделения, которые не были указаны в Постановлении Военного Совета 3-го Белорусского фронта от 10 мая 1945 года № 028. В этой части Временная инструкция не соответствовала Постановлению Военного Совета 3-го Белорусского фронта, которое имело большую юридическую силу. Это объясняется тем, что Временная инструкция разрабатывалась в сжатые сроки и носила, можно сказать, экспериментальный характер. В подтверждение автор инструкции — военный комендант города и крепости Кенигсберг генерал-майор М.В. Смирнов в конце инструкции указал особые замечания: «Настоящее положение является временным и опытным и возможно, имеет еще много недостатков. Положение подлежит изучению на практике с внесением в последующем коррективов»⁷.

Временная инструкция действительно была несовершенной, содержала большое количество неточностей и недочетов. Функции некоторых отделов Временного управления по гражданским делам дублировались или были распределены нелогично. Количество отделений в районах не соответствовало количеству отделов (на районном уровне функции двух отделов — отдела торговли и отдела местной промышленности — совмещало одно отделение торговли и промышленности). Тем не менее разработанная в сжатые сроки Временная инструкция способствовала быстрой организации нового органа управления, развивала положения Постановления Военного Совета 3-го Белорусского фронта от 10 мая 1945 года № 028, ставя перед данным органом, его должностными лицами и структурными подразделениями четкие задачи.

Уже 26 мая 1945 года был издан Приказ военного коменданта города и крепости Кенигсберг № 044⁸, в соответствии с п. 2 кото-

рого из Временной инструкции исключался продовольственный отдел, а его функции передавались отделу торговли города и районов. В районах же отделение Торговли и промышленности было приказано разделить на два отделения — одно по торговле, а другое — по руководству промышленностью.

Подводя итог, отметим, что функции временного гражданского управления, учрежденного при городской и районных комендатурах Кенигсберга, были весьма конкретны и сводились главным образом к нормализации обстановки после штурма города. Структура этого временного органа, первоначально включавшая в себя 6 отделов и 5 отделений, ясно отражала его главные задачи: поддержание порядка и спокойствия, управление местным населением, его регистрационный учет и контроль, восстановление промышленности, медицинского обслуживания людей, налаживание быта, организация сельскохозяйственных работ с целью обеспечения населения нормами довольствия.

В целом же правовое положение военных комендатур, и в частности образованного при них Временного гражданского управления, на территории будущей Калининградской области было специфичным. Комендатуры осуществляли свои функции на немецкой земле, юридическая судьба которой хотя и не раз обсуждалась во время войны, но официально еще не была решена. То есть советское временное военно-гражданское управление было установлено на оккупированной немецкой территории, которая рассматривалась как будущая советская земля, однако формально еще не закрепленная за СССР. Это порождало определенную противоречивость в деятельности данных органов управления. С одной стороны, не планировалось создание местных органов управления из лояльных немцев или восстановление местных администраций. С другой стороны, из-за отсутствия гражданского советского населения на занятой территории не представлялось возможным сразу образовать конституционные органы государственного управления в полном соответствии с Конституцией СССР 1936 года и Конституцией РСФСР 1937 года.

На наш взгляд, именно в связи с этим первоначально функции советского государственного управления на территории Кенигсбергской области фактически выполняли военные органы управления, находящиеся в ведении Военного Совета 3-го Белорусского фронта.

⁷ Государственный архив Калининградской области. Ф. 330. Оп. 1. Д. 18. Л. 10.

⁸ Государственный архив Калининградской области. Ф. 330. Оп. 2. Д. 2. Л. 5–6.

Литература

1. Государственный архив Калининградской области. Ф. 330. Оп. 2. Д. 1, 2, 18.
2. Крети́нин Г.В. Военные комендантуры 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии (октябрь 1944 — май 1945 года) / Г.В. Крети́нин // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 12. С. 67–75.
3. Маслов В.Н. Из истории становления Калининградской области: первое совещание при Кенигсбергском областном управлении по гражданским делам 26–27 июня 1946 года / В.Н. Маслов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 12. С. 83–96.
4. Центральный архив Министерства обороны. Ф. 241. Оп. 2662. Д. 7. Л. 1–2.

Игнорирование частных интересов в условиях режима военного положения в Советской России: исторический аспект

*Утяшов Эдуард Климентьевич,
доцент кафедры теории права, государства и судебной власти
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент
ueknet@rambler.ru*

Исследование посвящено историческому анализу формирования режима военного положения как института советского публичного права. Содержание нормативных правовых актов советского времени показывает их репрессивный и ограничительный характер. Такой подход объяснялся господством коммунистической идеологии, наличием одной государственной собственности и отсутствием частной. Господствовавшее убеждение о неразрывном единстве народа и государства обуславливало в целом естественное восприятие обществом изъятия личного имущества, исполнения гражданами массовых повинностей и ограничений в условиях военного положения. Делается вывод о недопустимости переноса ограничительных мер, существовавших в законодательстве советского времени, на сегодняшнюю действительность в полном объеме из-за необходимости защиты частной сферы общественной жизни, которая не признавалась в Советском государстве. Произошедшие кардинальные изменения в экономической и политической сферах современной России, а именно появление частной собственности, провозглашение демократического, правового характера государства, предопределяют необходимость изменения законодательства о военном положении в части защиты частной сферы общественных отношений.

Ключевые слова: *военное положение, советское время, публичный интерес, частная собственность.*

Disregard of Private Interests in Conditions of Martial Law in Soviet Russia: Historical Aspect

*Utyashov Eduard K.,
Assistant Professor of the Department of Theory of Law, State and Judicial Power
of the Russian State University of Justice,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The research is devoted to historical analysis of formation of martial law as an institution of the Soviet law. The content of the normative legal acts of the Soviet time shows their repressive and restrictive. Such an approach was due to the domination of the Communist ideology, having one is State property and the lack of private. The prevailing belief about the unbreakable unity of the people and the State was, in General, natural societal perception of repossession of personal property, the execution of mass citizens duties and restrictions under martial law.

Conclusion about the inadmissibility of transfer of restrictive measures existed in Soviet times, the legislation's validity in full, due to the need to protect the private sphere of public life, which was not recognized in the Soviet State. Fundamental changes have taken place in the economic and political spheres

of modern Russia, namely the emergence of private property, the proclamation of the democratic nature of the State, warranted a change in the law on the military situation in regard to protection of the private sphere of social relations.

Key words: martial law, the Soviet times, public interest, private property.

В условиях возможного военного конфликта государство ставит перед собой основную цель — защиту своего суверенитета, интересов общества от вооруженной агрессии. Все его силы должны быть направлены на мобилизацию экономических, финансовых, технических, информационных, правовых средств и иных ресурсов и возможностей для реализации функции обороны страны от нападения извне. Для достижения этих целей в подобных ситуациях могут вводиться предусмотренные законодательством особые правовые режимы деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и организаций, а также некоторые ограничения для граждан. Одним из таких режимов является режим военного положения (осадного, чрезвычайного, состояния обороны).

В силу значимости стоящих перед государством задач в таких условиях считается, что интересы личности в критические периоды времени должны отойти на второй план, не «отвлекая» весь государственный механизм от главной задачи — отражения внешней военной угрозы. В связи с этим достаточно часто приводится мысль одного из основоположников теории правового государства XVIII века, президента парламента г. Бордо Ш.Л. Монтескье: «Опыт народов, самых свободных, какие когда-либо существовали на земле, заставляет меня признать, что бывают случаи, когда нужно на некоторое время набросить на свободу покрывало, как некогда покрывали статуи богов»¹. Эта идея приоритета публичного права над частным в некоторых условиях нашла отражение в ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Конституция РФ данное положение несколько расширила, закрепив в

ч. 3 ст. 55 следующие основания таких ограничений: «...права и свободы могут ограничиваться в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Подобные ограничения в большинстве государств осуществляются в том числе режимом военного положения. При этом такой режим рассматривается не столько как средство правового ограничения, а как составная часть целенаправленного правового воздействия, призванного обеспечить интересы общества и государства в условиях войны. Предусмотренные же им ограничения, границы которого определяются законом, должны иметь своей целью сохранение наиболее важных интересов и задач, стоящих перед государством.

В условиях демократического, правового государства с рыночной экономикой объем и содержание допустимых ограничений прав и свобод в период режима военного положения не могут быть безграничными и бесконтрольными, необходимо учитывать и в какой-то мере защищать субъективные права, законные интересы граждан и юридических лиц. Так, например, границы подобных ограничений определяются во Франции продолжительностью осадного положения, вводимого президентом на 12 дней, продление которого допускается только парламентом. В Конституции Польши перечисляются отдельные виды прав и свобод, которые не подлежат ограничению. В Великобритании устанавливается перечень прав граждан, подлежащих ограничению. В ФРГ закрепляется положение о недопустимости ограничения прав и свобод граждан в ч. 2 ст. 19 ее Конституции: «...существо содержания основного права ни в коем случае не может быть ограничено».

Особенностью правового режима военного положения в современной России является отсутствие подобных правовых объективированных ограничений в правоотношениях военного положения². Статья 87 Конституции Российской Федерации, уста-

¹ Монтескье Ш. О духе законов. М., 1999. 674 с.

² Утяшов Э.К. Основания введения военного положения: вопросы теории // Право и политика. 2012. № 6. С. 1067.

навливающая возможность введения режима военного положения, не содержит прямого перечня прав и свобод, которые не могут быть ограничены, в отличие от ч. 2 ст. 56 и 88 Конституции (о чрезвычайном положении), где имеется их перечень, не подлежащий ограничению. Подобное текстуальное выражение правовых предписаний предполагает возможность и допустимость осуществления массовых ограничений прав и свобод в условиях режима военного положения. Что фактически и нашло свое выражение в действующем Федеральном конституционном законе 2002 г. «О военном положении»³.

Такой подход находит свое объяснение в историческом прошлом Советского государства, где существовали авторитарный и тоталитарный режимы, содержание которых не могло не отразиться на законодательстве, в том числе о военном положении. Его правовое регулирование характеризовалось крайне жесткими мерами, не сравнимыми по объему и характеру ограничений прав подданных самодержавной России⁴. Так, в соответствии с Декретом ВЦИК от 18 ноября 1920 г. «О точном смысле ст. 10-й правил „О местностях, объявляемых на военном положении“» предусматривалось, что приговоры судов в виде расстрела подлежали немедленному исполнению губернскими ЧК не только по отдельным видам преступлений (взрывы, поджоги, шпионаж, спекуляция военным имуществом, нарушение правил охраны складов), но и в случаях «преступного нерадения при проведении военных мероприятий». Поэтому жалобы осужденных по довольно обширной и конкретно неопределенной категории дел не подлежали рассмотрению вышестоящими инстанциями, что давало ЧК, как карательному органу, основания для неограниченных и фактически никем не контролируемых репрессий⁵.

Декретом ВЦИК и Совета народных комиссаров РСФСР от 8 марта 1923 г. «Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка» разрешалось создание параллельно с судами общей юрис-

дикции революционных трибуналов, которые могли рассматривать любые дела по усмотрению революционного военного комитета, в том числе, если «виновные деяния не предусмотрены Уголовным кодексом» (п. 16 Положения)⁶.

В период Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении»⁷ вводились обязанности граждан, военных властей и ограничения без учета возможной компенсации собственниками их утрат и потерь. Это касалось: военно-квартирной обязанности; автогужевой повинности; изъятия транспортных средств и иного необходимого для нужд обороны имущества как у государственных, общественных и кооперативных предприятий и организации, так и у отдельных граждан; привлечения граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ; регулирования торговли и работы торгующих организаций (рынков, магазинов, складов, предприятий общественного питания), коммунальных предприятий (баней, прачечных, парикмахерских и т. д.) и установления норм отпуска населению продуктов питания.

Вводились новые составы преступлений: об ответственности за распространение в военное время слухов, возбуждающих тревогу среди населения; об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий; об уклонении от сдачи радиоприемных и радиопередаточных устройств, призматических биноклей; об уклонении от трудовой повинности для оборонных работ и другие⁸.

Известный Приказ Народного комиссара обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227, обязывающий заградительные отряды «в случае паники и беспорядочного отхода

³ СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

⁴ Пчелинцев С.В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. М., 2006. С. 119.

⁵ Артамонов Н.Д. Институт военного положения по советскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951. С. 63–66, 100–101.

⁶ Декрет ВЦИК и Совета народных комиссаров РСФСР от 8 марта 1923 г. «Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства Союза ССР. 1925. № 25. Ст. 166–167.

⁷ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. М., 1941. С. 129.

⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1942 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 2.

частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов», устанавливал внесудебную расправу над военнослужащими⁹.

В условиях господства коммунистической идеологии, провозглашавшей неразрывную связь Советского государства и народа, где основным и фактически единственным собственником являлось государство, лозунг: «Все для фронта, все для победы!», воспринимался как естественное требование государства к своим гражданам, и поэтому изъятие личного имущества, возложение дополнительных ограничений и обременений воспринималось с пониманием в обществе. Была увеличена продолжительность рабочего дня до 11 часов при шестидневной рабочей неделе, введены обязательные сверхурочные работы, отменены отпуска, ужесточены санкции к нарушителям трудовой дисциплины. В декабре 1941 г. все работники военных заводов были объявлены мобилизованными и закрепленными за конкретными предприятиями. Подобная жесткость при осуществлении режима военного положения позволила Со-

ветскому государству выстоять в войне. Однако подобные ограничения прав человека не применялись столь всеобщее и массово в других государствах-союзниках во Второй мировой войне.

И хотя режим военного положения в послевоенный период не нашел своего законодательного развития, существовавший подход в части широкого ограничений прав и свобод нашел свое выражение в действующем ФКЗ «О военном положении». Насколько оправдано подобное экстраполирование на современную действительность, отвечает ли оно реалиям существующих общественных отношений? Анализ его основных положений свидетельствует о необходимости конкретизации некоторых предписаний в части пределов ограничения, в том числе экономических прав и свобод. Такой вывод определяется кардинальными изменениями в сущности и социальном назначении современного Российского государства, которое характеризуется наличием частной сферы: рыночных отношений, многообразием форм собственности, в том числе и частной, свободой предпринимательства, объективно нуждающейся в защите от чрезмерного вмешательства государства при осуществлении им режима военного положения.

⁹ Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 1942 г. М., 1997. Т. 13. С. 276–279.

Литература

1. Артамонов Н.Д. Институт военного положения по советскому праву : дис. ... канд. юрид. наук / Н.Д. Артамонов. М., 1951. 101 с.
2. Монтескье Ш. О духе законов / Ш. Монтескье. М., 1999. 674 с.
3. Пчелинцев С.В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов / С.В. Пчелинцев. М., 2006. 479 с.
4. Утяшов Э.К. Основания введения военного положения: вопросы теории / Э.К. Утяшов // Право и политика. 2012. № 6. С. 1064–1071.

Совершенствование организационно-правовых основ деятельности НКВД СССР по поддержанию паспортного режима как одна из мер борьбы с немецко-фашистскими диверсантами и шпионами

*Кириченко Юлия Николаевна,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Белгородского юридического института Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент
julija.kirichenko@rambler.ru*

*Михайликов Виталий Леонидович,
начальник кафедры тактико-специальной подготовки
Белгородского юридического института Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент
mihailikjv.vitalii@mail.ru*

*Дубровский Владислав Юрьевич,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Белгородского юридического института Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина
d.d.d.vlad@rambler.ru*

*Попов Алексей Михайлович,
заведующий кафедрой «Безопасность и правопорядок»
Тамбовского государственного технического университета,
кандидат юридических наук, доцент
ramtambov@yandex.ru*

В статье авторы рассматривают роль паспортных служб советской милиции в начале Великой Отечественной войны по выявлению среди населения немецко-фашистских шпионов и разведчиков при проведении мероприятий по поддержанию паспортного режима.

Ключевые слова: паспортный режим, советская милиция, паспортная служба, НКВД СССР, специальные удостоверения, немецко-фашистские шпионы и разведчики, Великая Отечественная война.

Improvement of Organizational and Legal Fundamentals of Activity of the NKVD of the USSR to Support Passport Regime as Measure of Struggle with Nazi Saboteurs and Spies

*Kirichenko Yulia N.,
Lecturer of the Department of Tactical and Special Training
of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

*Mikhaylikov Vitaly L.,
Head of the Department of Tactical and Special Training
of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

*Dubrovsky Vladislav Yu.,
Lecturer of the Department of Weapons Practice
of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*

*Popov Aleksey M.,
Head of the Department of Safety and Security
of the Tambov State Technical University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

In article authors consider a role of passport services of the Soviet militia at the beginning of the Great Patriotic War on identification among the population of fascist spies and intelligence agents when holding actions for maintenance of a passport system.

Key words: *passport system, Soviet militia, passport service, People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR, special certificates, fascist spies and intelligence agents, Great Patriotic War.*

Деятельность сотрудников органов внутренних дел непосредственно во все времена направлена на защиту личности, ее прав и свобод, охрану общественного порядка и общественной безопасности, на борьбу с правонарушениями, от ее эффективности зависит состояние правопорядка на территории Российской Федерации¹.

При занятии немцами территории союзных республик и ряда областей РСФСР в распоряжении фашистов, помимо паспортов, имевшихся у населения, оказалось значительное количество бланков паспортов. Наличие у немцев этих материалов давало им возможность выдавать советские паспорта засылаемым в СССР шпионам и диверсантам. Изменение правового положения паспортных служб советской милиции в военный период было связано с тем, что они были обязаны организовать перерегистрацию паспортов и наклейку в них контрольных листков, поддерживать порядок в режимных местностях и т. д.

В целях пресечения провокаторской деятельности фашистских лазутчиков Президиум Верховного Совета СССР 6 июля 1941 г. издал Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения»². А 7 июля 1941 г. Наркомат внутренних дел СССР принял директиву, требовавшую, чтобы личный состав органов милиции в любое время и в любой обстановке был готов к самостоятельному или совместно с подразделениями Красной армии выполнению боевых задач по ликвидации диверсионных групп, парашютных десантов и регулярных частей противника, особенно в зоне военных действий. Эта директива — лишь один из многих документов, конкретизировавших деятельность милиции в военный период, которые издал

Наркомат внутренних дел СССР, основываясь на правовых актах, принятых в первые месяцы войны.

Управлением НКГБ совместно с Управлением НКВД 6 июня 1944 г. в местечке на границе Коми-Пермяцкого округа были задержаны диверсанты Стахов, Андреев и Грищенко. При осмотре местности дислоцирования диверсантов были обнаружены и изъяты: приемо-передающая рация с позывными, поддельные документы на имя участников группы, вооружение и деньги с советскими знаками³.

Рассматривая роль советской паспортной системы в охране общественного порядка в годы Великой Отечественной войны и борьбе со шпионами, необходимо отметить методы ее работы: повседневная деятельность паспортных аппаратов при выдаче и обмене паспортов, прописке и выписке, выдаче пропусков для въезда в пограничную зону, учете лиц, ранее судимых за преступления; административный надзор за точным соблюдением гражданами правил паспортной системы; проведение оперативно-разыскных мероприятий по установлению местонахождения лиц скрывавшихся от милиции.

Газета «На боевом посту» рассказала, как к начальнику паспортного стола 9-го отделения милиции г. Москвы Куканову пришел гражданин и сделал заявление, что маленькая дочь залила его паспорт чернилами. Куканов предложил гражданину заполнить справку для получения нового паспорта, за которым просил зайти через несколько дней. В ходе проверки было установлено, что этот гражданин, проживал в Москве по поддельному паспорту и был шпионом немецкой разведки⁴.

Чтобы обеспечить общественный порядок, военные власти имели право регулировать время работы учреждений и предприятий, запрещать выходить на улицу после определенного часа, ограничивать движение, производить обыски и задерживать по-

¹ Амельчаков И.Ф., Хрисанов В.А., Попов А.М., Михайликов В.А. На пути совершенствования первоначальной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на базе БелЮИ МВД России // Вестник Белгородского института МВД России. 2014. № 1. С. 5.

² Известия. 1941. 8 июля.

³ Бычков А.В. Война в памяти народной. Кировская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Киров, 1995. С. 30–35.

⁴ На боевом посту. 1941. 27 сент.

дозрительных лиц, воспрещать въезд и выезд в местности, объявленные на военном положении, а также выселять в административном порядке из пределов местности, находящейся на военном положении, лиц, признанных социально опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой. Выявление же таких лиц возлагалось на органы милиции, работники которых имели специальные знания и опыт борьбы с преступностью. Неисполнение обязательных постановлений военных властей влекло за собою наказание в административном порядке в виде лишения свободы сроком до шести месяцев или штрафа до 3 тыс. руб.⁵

Военные власти особое внимание обращали на строгое соблюдение паспортного режима. Приказом начальника Московского военного гарнизона от 4 июля 1941 г. предписывалось: «Всем гражданам, проживающим в Москве и окрестностях без прописки, в 24 часа с момента объявления приказа явиться в отделения милиции и представить документы, подтверждающие их личность. Лиц, не выполняющих настоящего приказа, а также и тех, кто знает о невыполнении, способствует этому или умалчивает о них, — предавать суду Военного трибунала. Исполнение этого приказа возложить на Управление милиции города Москвы»⁶.

Для надзора за поддержанием паспортного режима чаще всего использовался метод проверок. Паспортными службами советской милиции проводился комплекс проверок, имевший своей целью недопущение проживания лиц без паспортов или иных документов, удостоверявших личность, без прописки, с просроченной пропиской.

Проведение указанных проверок способствовало, во-первых, своевременному и полному учету проживающего населения, во-вторых, улучшению охраны общественного порядка, предупреждению и пресечению правонарушений, розыску немецко-фашистских шпионов и диверсантов,

в-третьих, выявлению причин и условий, способствующих нарушениям норм паспортной системы.

Надзор за соблюдением паспортного режима систематически проводился органами милиции для проверки исполнения гражданами и должностными лицами правил паспортной системы, регламентирующих порядок проживания и передвижения граждан в различных местностях страны, в целях предупреждения и пресечения нарушений, выявления немецкой агентуры и применения к ним мер воздействия.

Основным назначением надзора за соблюдением паспортных правил являлось недопущение проживания на обслуживаемой территории лиц, не имеющих паспортов или иных документов, удостоверяющих личность, без прописки или с просроченной пропиской. Необходимость усиления репрессий в отношении профессиональных преступников обосновывалась тем, что преступность подрывает благосостояние крестьянина и создает затруднения в подъеме сельского хозяйства⁷.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» командующий войсками Московского военного округа и начальник Управления НКВД СССР по Москве и Московской области издали приказ о порядке удаления лиц, признанных социально опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой. Материалы на таких лиц оформлялись в трехдневный срок и представлялись на утверждение военному прокурору и начальнику Управления НКВД. Милиция обеспечивала удаление этих лиц за пределы Москвы и Московской области⁸.

Противостоять немецким агентам, которых забрасывали в советский тыл гитлеровские спецслужбы, являлось одной из самых важных задач в годы Великой Отечественной войны. 11 июля 1941 года бюро Ростовского обкома ВКП (б) вынесло постановление, в котором говорилось, что, по проверенным сведениям, немцы практикуют забросы на самолетах в глубокий тыл диверсантов. При этом последние переодеты в форму чекистов, милицейских и иных

⁵ Поздняков А.Н. Роль законодательства в укреплении дисциплины и повышении боевой мощи Вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны // Вместе с армией и народом: сб. о сов. милиции: к 25-й годовщине победы в Великой Отечественной войне. Волгоград, 1970. С. 85–86.

⁶ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1405. Л. 15.

⁷ Мигущенко О.Н. Карательная (уголовная) политика Советского государства в 20–30-е годы XX в. // История государства и права. 2010. № 19. С. 24.

⁸ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1405. Л. 61.

работников, хорошо владеют русским языком и снабжены советскими документами⁹. Их цель — совершение диверсионных актов на крупных промышленных и оборонных предприятиях. В связи с этим необходимо задерживать всех подозрительных лиц и направлять для проверки в органы НКГБ, НКВД и милиции.

Для борьбы с вражескими шпионами, диверсантами и парашютистами Постановлением СНК СССР от 24 июня 1941 г. «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов»¹⁰ в местностях, объявленных на военном положении, в каждом районе предусматривалось формирование в срочном порядке истребительных батальонов по 100–200 человек. Руководство оперативной и боевой деятельностью батальонов возлагалось на органы внутренних дел.

При помощи истребительных батальонов только в 1942 г. на территории Азербайджанской и Грузинской ССР, Московской, Воронежской, Калининской, Вологодской и Ярославской областей было задержано свыше 400 гитлеровских агентов, заброшенных в наш тыл¹¹.

Гитлеровская разведка таким образом пыталась дезорганизовать советский тыл. На временно оккупированной противником части советской территории из мест заключения освобождались уголовные преступники, из которых немецкие разведорганы вербовали шпионов, диверсантов, провокаторов. Поэтому работники уголовного розыска нередко входили в состав оперативных групп органов госбезопасности для выполнения заданий по борьбе с фашистскими шпионами, диверсантами¹².

Всего на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны действовало более 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных команд Абвера и СД и около 60 школ, занимающихся подготовкой шпионов, диверсантов и террористов. А активность и характер деятельности немецких спецслужб

во время войны зависели от общего положения дел на театрах боевых действий¹³.

Все это требовало строгого соблюдения паспортного режима, бдительной проверки паспортов, с тем чтобы своевременно выявить и обезвредить немецко-фашистских разведчиков.

Работники советской милиции выявляли немецких лазутчиков в процессе проведения операций по проверке документов в поездах, жилом секторе, при паспортизации населения. В 1941–1944 гг. органами милиции было выявлено более 6 тыс. фашистских агентов¹⁴.

Подрывная деятельность гитлеровцев в тылу наших войск велась весьма активно, поэтому 25 июня 1941 года решением СНК СССР охрана тыла фронтов возлагалась на специальные войска НКВД, а при НКВД СССР было создано Главное управление войск охраны тыла действующей армии. Организовывалась боевая служба войск охраны тыла путем восстановления контрольно-пропускных и проверочных пунктов, постов наблюдения, выделение патрулей и т. д.¹⁵

Для обеспечения более рационального использования железнодорожного и водного транспорта и предупреждения распространения эпидемических заболеваний 28 марта 1942 г. Государственный комитет обороны принял Постановление «Об ограничении передвижения граждан по железнодорожным и водным путям сообщения на военное время»¹⁶. Правовым способом ограничения являлось установление специальной пропускной системы для проезда на транспорте. В 1942–1943 гг. и за пять месяцев 1944 г. ими было выдано более 10 млн пропусков¹⁷. За проезд без пропусков виновные привлекались к административной, а при повторном нарушении — к уголовной ответственности.

В целях выявления лиц, нарушавших правила пропускной системы, повсеместно соз-

⁹ Кубаткин П.А. Уничтожим шпионов и диверсантов. М., 1941. С. 6.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 19. Д. 18. Л. 91.

¹¹ Остряков С.В. Военные чекисты. М., 1979. С. 181–182.

¹² Воронцов С.А. Правоохранительные органы. Спецслужбы. История и современность. Ростов н/Д., 1998. С. 228.

¹³ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М., 1973. С. 460, 466.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1409. Л. 14.

¹⁵ Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне 1941 г. // Документ 333. С. 552.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1410. Л. 3.

¹⁷ Советская милиция: история и современность, 1917–1987 / Биленко С.В., Желудкова Т.И., Искрина Н.А., Косицын А.П., и др.; Под ред.: Власов А.В.; Редкол.: Гладышев В.И., Кудрявцев А.Я., Осипов И.С., Трушин В.П. М. : Юрид. лит., 1987. 336 с.

давались специальные оперативные группы милиции¹⁸. Кроме того, на 16 крупных станциях Горьковской, Октябрьской, Ярославской и других дорог были созданы оперативные заслоны из работников милиции и на 47 станциях этих дорог усилены милицейские посты. Наряду с оказанием содействия уполномоченным Совнаркома СССР в организации отправления эвакуированного населения и охраны общественного порядка, оперативные заслоны проверяли документы у подозрительных лиц, выявляли вражеских шпионов. Органы транспортной милиции в 1941–1944 гг. среди снятых с поездов 4 млн человек задержали 6564 подозреваемых в шпионаже¹⁹.

В работе паспортного отдела Главного управления милиции большое место занимала выдача пропусков на въезд в Москву, запретные и пограничные зоны, а также для проезда по железнодорожным и водным путям сообщения. Кроме того, в состав паспортного отдела входили Центральное справочное бюро и руководство работой местных органов милиции по учету эвакуированного населения. С целью усиления руководства паспортной работой функции по выдаче пропусков 30 июня 1943 г.²⁰ были переданы вновь организованному в составе Главного управления милиции административному отделу.

Надо отметить, что если этот вопрос в Главном управлении милиции был разрешен положительно, то на периферии руководством выделенных из состава паспортных отделов административных групп в ряде областных и краевых центров продолжали по-прежнему заниматься начальники паспортных отделов. Таким образом, фактического разграничения функций на местах не произошло.

Для обеспечения работы по восстановлению паспортной системы ПОГУМ в дополнение к имевшимся бланкам и материалам на местах было направлено бланков паспортов 1653 000, бланков временных удостоверений 3056 000, домовых книг 55 000, спецчернил 397 кг, спецклея 1108 кг, прессов с рельефным оттиском печати 206 штук и бумаги 36,5 т. На оборудование и механизацию адресных бюро ассигновано 45 500 руб.²¹

По материалам 12-ти Управлений милиции за 1943 г., на территории которых проводилось восстановление паспортной системы, ими, помимо выдачи новых па-

спортов, было обменено 760 427 советских паспортов, имевших немецкие отметки. В ходе работы по восстановлению производился и учет населения городов. По 16 городам, освобожденным от немецких оккупантов, учтено и перепрописано 946 004 человека. Сопоставляя данные о количестве населения этих городов до войны с данными о количестве населения после их освобождения от немецких захватчиков, обращает на себя внимание исключительно большое уменьшение населения. Например, Орел до войны — 140 000, после — 43 000; Воронеж до войны — 327 000, после — 41 000; Новоросийск до войны — 95 000, после войны — 4000²².

При проведении мероприятий по учету, документации и перепрописке населения в местностях, освобожденных от немецких оккупантов, органами милиции было выявлено: 14 гестаповцев, 3 шпиона, 639 полицейских, 2 бургомистра, 98 старшин, 543 старост, 277 прочих пособников немцев, 51 988 лиц, работавших по обслуживанию немецких армий, 14 516 лиц, работавших в немецких учреждениях, 92 пленных немецких солдат, 522 немца, проживавших до войны на территории СССР, 12 799 членов семей лиц, ушедших с немцами, 2071 судимых, поддерживавших связь с немцами, 3517 дезертиров Красной армии и лиц, уклонявшихся от мобилизации. В необходимых случаях материалы вместе с личностями передавались в соответствующие органы на места (СМЕРШ, НКГБ, НКВД, НКО)²³.

Таким образом, совершенствование организационно-правовых основ деятельности НКВД СССР в условиях ведения военных действий, регулировавших паспортную систему, способствовало охране государственной безопасности, регламентируя порядок въезда и проживания в пограничных зонах. Меры, направленные на ограничение проживания лицам, имевшим спецудостоверения, только в нережимных местностях, а равно и эвакуированным, прибывавшим в режимные местности в неорганизованном порядке, в значительной степени способствовали поддержанию паспортного режима и сыграли большую роль в документации граждан и сокращении потоков излишних переездов эвакуированных с места на место, поскольку системы проезда по пропускам в то время еще не существовало.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1409. Л. 18.

¹⁹ Там же. Л. 16.

²⁰ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1409. Л. 37.

²¹ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1408. Л. 11.

²² ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1408. Л. 12.

²³ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1409. Л. 36.

Практическая деятельность паспортных служб советской милиции в годы войны в большей степени была направлена на вновь прибывающих для проживания на новую территорию лиц, а также на изуче-

ние и прописку их личных документов, что, в свою очередь, являлось своеобразным фильтром, позволяющим из общего миграционного потока населения выявлять немецких агентов.

Литература

1. Амельчаков И.Ф. На пути совершенствования первоначальной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на базе Бел ЮИ МВД России / И.Ф. Амельчаков, В.А. Хрисанов, А.М. Попов, В.Л. Михайликов // Вестник Белгородского института МВД России. 2014. № 1. С. 4–11.
2. Бычков А.В. Война в памяти народной. Кировская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / А.В. Бычков. Киров, 1995. 67 с.
3. Воронцов С.А. Правоохранительные органы. Спецслужбы. История и современность / С.А. Воронцов. Ростов н/Д., 1998. 314 с.
4. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1405. Л. 15, 61.
5. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1408. Л. 11, 12.
6. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1409. Л. 14, 16, 18, 36, 37.
7. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1410. Л. 3.
8. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 19. Д. 18. Л. 91.
9. Кубаткин П.А. Уничтожим шпионов и диверсантов / П.А. Кубаткин. М., 1941. 24 с.
10. Остряков С.В. Военные чекисты / С.В. Остряков. М., 1979. 234 с.
11. Поздняков А.Н. Роль законодательства в укреплении дисциплины и повышения боевой мощи Вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны / А.Н. Поздняков // Вместе с армией и народом : сб. о сов. Милиции : к 25-й годовщине победы в Великой Отечественной войне. Волгоград, 1970.
12. Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне 1941 г. // Документ 333.
13. Советская милиция: история и современность, 1917–1987 / Биленко С.В., Желудкова Т.И., Искрина Н.А., Косицын А.П., и др.; Под ред.: Власов А.В.; Редкол.: Гладышев В.И., Кудрявцев А.Я., Осипов И.С., Трушин В.П. М. : Юрид. лит., 1987. 336 с.
14. Мигущенко О.Н. Карательная (уголовная) политика Советского государства в 20–30-е годы XX в. / О.Н. Мигущенко // История государства и права. 2010. № 19. 23–26.
15. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны / С.М. Штеменко. Кн. 2. М., 1973. 510 с.

Лазарев С.Е. Советская военная элита 1930-х годов

*Шубин Александр Владленович,
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории
Российской академии наук,
доктор исторических наук
dir@igh.ru*

В рецензии анализируется работа С.Е. Лазарева «Советская военная элита 1930-х годов». В ней об-суждается, как формировалось высшее командное звено РККА, какими были взаимоотношения «красных генералов», как они относились к власти и почему большинство из них было уничтожено в 1937–1938 гг. Выдвигаются дискуссионные версии событий. Автор хорошо знаком с литературой и опубликованными источниками по теме. Работа содержит интересный и разнообразный статистический материал. Существенную ценность представляют биографические справки на руководителей РККА.

Ключевые слова: советская военная элита, террор 1937–1938 гг., группировки.

Lazarev D.E. Soviet Military Elite of 1930s

*Shubin Aleksandr V.,
Chief Research Scientist of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of History*

The review analyzes the work of S. E. Lazarev "The Soviet military elite of the 1930-ies". It discusses how was formed the Supreme command of the red army, the relationship between the "red generals" and why most of them were arrested in 1937–1938. Nominated author's version of events. The author is well ac-

acquainted with the literature and published sources on the topic. The work contains interesting and diverse statistical material. Significant valuable biographical information on leaders of the red army.

Key words: soviet military elite, the terror of 1937–1938, a group of military leaders.

В своей книге С.Е. Лазарев обратился к интереснейшим проблемам, некоторые из которых энергично обсуждаются в историографии: как формировалось высшее командное звено РККА, какими были взаимоотношения «красных генералов», как они относились к существующей власти и почему большинство из них было уничтожено в 1937–1938 гг.?

Автор хорошо знаком с литературой и опубликованными источниками по теме. Работа содержит интересный и разнообразный статистический материал. Существенную ценность представляют биографические справки на руководителей РККА. Отдельный интерес представляют биографические очерки о Е. Щаденко, Б. Шапошникове и А. Егорове. В работе прослеживается судьба первого набора Академии Генерального штаба.

Читатель получает возможность ознакомиться как с официальной системой управления РККА, так и с клановой структурой военной элиты. Он выделяет «ворошиловскую» группу (обращая внимание на ее неоднородность), группу М. Тухачевского — И. Уборевича и отдельную группу Я. Гамарника и И. Якира. Существовали и «земляческие группировки». К группам, возникшим по принципу «кто с кем служил», С.Е. Лазарев относит «чапаевцев», «червонцев», «дальневосточников», «щорсовцев», «котовцев», «буденовцев».

С.Е. Лазарев анализирует взаимоотношения между участниками этих групп. Их противоречия и конфликты, как правило, носили не политический, а деловой или «исторический» характер (наследие поражений 1920 г. и других споров о заслугах и провалах времен гражданской войны). Свою роль в обострении противоречий в военной элите внесло и введение персональных воинских званий. Эта реформа также описана в книге. В то же время С.Е. Лазарев отмечает тенденцию к объединению группировок в противостоянии К. Ворошилову, что представляло «непосредственную опасность» для Сталина, которого автор считает убежденным «социалистом» (с. 121–122).

Рассматривая ход террора, С.Е. Лазарев разбирает мотивы арестов отдельных военачальников. В частности, указывается и на недовольство военачальников политической партии (с. 130), что в то время уже бы-

ло преступлением. После этого удивительно выглядит утверждение С.Е. Лазарева: «...версия о „заговоре“ в Красной армии до сих пор не подтверждена никакими документами» (с. 130). А куда же делись тонны следственных дел и приговоры с обвинениями в заговоре? Да, это сложный источник, на что указывается в литературе¹. Но это, несомненно, — документы. Также С.Е. Лазарев утверждает, что О.Ф. Сувениров и Н.С. Черушев «опровергли версию о „военном заговоре“» (с. 15), но не объясняет, почему он так считает. Разумеется, право С.Е. Лазарева соглашаться как с О.Ф. Сувенировым и Н.С. Черушевым, так и с авторами, придерживающимися другой, а то и противоположной точки зрения. Но все же в монографии, посвященной военной элите 1930-х гг., хотелось бы увидеть более подробный разбор аргументов сторонников и противников версии о «заговоре» 1937 г., аргументированное доказательство отсутствия такого заговора (пусть и с пересказом аргументов О.Ф. Сувенирова и Н.С. Черушева, с которыми С.Е. Лазарев согласен). Сам С.Е. Лазарев признает, что О.Ф. Сувениров и Н.С. Черушев «так и не раскрыли причин уничтожения командного состава», что, несомненно, является уязвимой стороной их точки зрения. Они лишь «доказали, что обвинения в отношении командного состава были сфальсифицированы сотрудниками Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), что компетентные органы выполняли заказ правящей верхушки» (с. 16). Но дело в том, что в современной научной литературе наличие фальсификаций в делах о военном заговоре не вызывает сомнений, спор ведется о том, являются эти фальсификации тотальными или частичными. С.Е. Лазарев предлагает такое объяснение репрессий против военных: «Маневры 1935–1936 гг. поставили вопрос о смене советской военной элиты. Ответственность

¹ Ананьич Б.В., Панях В.М. «Академическое дело» 1929–1931 гг. и средневековые политические процессы в России (сравнительная характеристика) // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. М., 1995; Шубин А.В. 1937: «антитеррор» Сталина. М.: Яуза, 2010. С. 8–16.

за низкий уровень подготовки войск несли „генералы“. Их неудачи развязали Сталину руки для проведения масштабных „чисток“. Возможно, вождь смело пошел на уничтожение высшего командного состава потому, что не считал его уже подготовленным для руководства армией в современных условиях. Недаром репрессированным военным предъявляли обвинения в низком уровне боевой подготовки подчиненных им войск, выявленном в ходе маневров» (с. 111). Но если выяснилось, что военные не подготовлены, то их можно готовить дальше или отправлять в отставку. Но это не мотив для их уничтожения, если руководитель не боится переворота. Уничтожать недоученных военных, чтобы заменить их еще менее обученными, — это уж совсем странно даже для Сталина.

Интересно, что для обоснования этой версии С.Е. Лазарев ссылается на обвинения следователей, которым отказал в статусе «документов». Но ссылки на обвинения, предъявляемые следователями НКВД, должны быть последовательными. Если аргументом являются обвинения со стороны следователей в плохой подготовке войск командирами, чем хуже обвинения в заговоре? Так что придется признать, что вопрос о «сфальсифицированности» не столь прост и однозначен. Следователи НКВД к реальным обвинениям добавляли и выдуманный компромат, но это не значит, что вообще все, что написано в материалах следствия, — чистой воды выдумка.

Очевидно, сведения о невысокой подготовленности командных кадров облегчили для Сталина решение об их уничтожении, но это не могло быть мотивом террора, ведь очевиден был риск получить вместо одних плохо подготовленных генералов других плохо подготовленных (что в значительной степени и произошло). Мотив был иным — реальная или воображаемая Сталиным угроза переворота. Впрочем, С.Е. Лазарев иногда указывает на опасность недовольства среди военных для Сталина (с. 122, 128). А в заключение книги приходит к выводу, что «действительной причиной этой „чистки“ был критической настрой „генералов“ в отношении руководства страны» (с. 242). В условиях, когда выражение такого недовольства считалось преступлением, речь идет о нелегальной активности. Иными словами, о заговоре.

С.Е. Лазарев также считает: «Вождь смело пошел на репрессии против военной элиты еще и потому, что был уверен в том, что

война в ближайшее время не начнется. Параллельно с переговорами о коалиции с Великобританией и Францией СССР вел курс на взаимопонимание с А. Гитлером, начались переговоры, которые успешно продвигались» (с. 136). О каких переговорах идет речь, С.Е. Лазарев не объясняет, ссылаясь на общее соображение перебежчика В. Кривицкого, который эти переговоры не вел. Как известно, безуспешная миссия Д. Канделаки имела место до основной вспышки террора и завершилась в начале 1937 г.², а новый раунд сближения с Германией начался уже в конце 1938 — начале 1939 гг.³ Так что в период «Большого террора» не было переговоров с Гитлером, которые «успешно продвигались». Собственно, и предыдущие переговоры были безуспешными.

Вопрос о качестве подготовки командования РККА после террора является дискуссионным. С.Е. Лазарев считает, что «расправа Сталина и его окружения над военной элитой нанесла огромный ущерб интересам Советского Союза. Можно предположить, что тяжелых последствий начального этапа войны с Германией в 1941 г. удалось бы избежать, если бы командный состав РККА, обладавший большим опытом, знавший стратегию и тактику германской армии, не был ликвидирован» (с. 130). Эта точка зрения, преобладавшая в XX в. начиная с 1956 г., нуждается в обосновании. Но вопрос о соотношении качества командных кадров 1936 и 1941 гг. в работе С.Е. Лазарева не анализируется, он лишь констатирует свою приверженность этой точке зрения.

По мнению С.Е. Лазарева, «пример таких полководцев, как Г.К. Жуков и К.К. Рокоссовский, учит не проводить прямой связи между образованием командира и его способностями. В годы Великой Отечественной войны полководцы и без академического образования успешно командовали войсками фронтов, флотов и армий... В то время как люди с академическим образованием (даже двумя) не всегда успешно справлялись со своими обязанностями, а в ряде случаев действия некоторых из них вели к откровенным провалам...» (с. 58). Среди последних С.Е. Лазарев называет М.П. Кирпоноса, который коман-

² Абрамов Н.А., Безыменский Л.А. Особая миссия Давида Канделаки // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 144–156.

³ См., напр.: Шубин А.В. Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис 1933–1940 гг. М.: Алгоритм, 2017. С. 327–342.

довал фронтом явно успешнее, чем его соседи, пока Москва не приняла гибельные для ЮЗФ решения. Уместно усомниться, всегда ли Г.К. Жуков «успешно справлялся со своими обязанностями»? Хотя Жуков «академий не кончал», совсем без образования не остался, окончив, в частности, курсы высшего начальствующего состава РККА. Так что выдающимся командующим без образования, как, например, Н. Махно, он не был. Впрочем, если не вдаваться в частности, с С.Е. Лазаревым можно согласиться, что связь между способностями и образованием не прямая.

Отдельно С.Е. Лазарев анализирует «чистку» в Военно-морской академии, поведение комсостава во время террора. Противоречия в военной элите облегчили задачу уничтожения командных кадров. У советской военной

элиты не было единства, многие военные искренне поддерживали аресты коллег. Хотя были и смельчаки, которые решились осудить аресты. Некоторые «генералы», осуждавшие репрессии в частных беседах (например, Д. Павлов и Г. Кулик), сумели пережить террор 1937–1938 гг. Любопытный сюжет, который рассматривает С.Е. Лазарев, — оценка репрессий в эмигрантской прессе. «Заговор в РККА, по мнению эмиграции, был», — констатирует С.Е. Лазарев. Поставленные тогда вопросы о противоречиях в военной элите, соотношения клеветы и правды в сталинских обвинениях продолжают обсуждаться и сегодня. Книга С.Е. Лазарева — еще один повод вернуться к этой теме и полезное подспорье для обсуждения и реконструкции ситуации в советской элите в 1930-е гг.

Литература

1. Абрамов Н.А. Особая миссия Давида Канделаки / Н.А. Абрамов, Л.А. Безыменский // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 144–156.
2. Ананыч Б.В. «Академическое дело» 1929–1931 гг. и средневековые политические процессы в России (сравнительная характеристика) / Б.В. Ананыч, В.М. Панеях // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. М., 1995. 339 с.
3. Шубин А.В. 1937: «антитеррор» Сталина / А.В. Шубин. М. : Яуза, 2010. 352 с.
4. Шубин А.В. Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис 1933–1940 гг. / А.В. Шубин. М. : Алгоритм, 2017. 496 с.

О работе следственного аппарата транспортной прокуратуры в начале 1930-х гг.

*Шкаревский Денис Николаевич,
доцент Института государства и права
Сургутского государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент
shkarden@mail.ru*

Автор в данной статье на основе архивного материала описывает состояние работы органов следствия транспортной прокуратуры в начале 1930-х гг. Автор приходит к выводу о неудовлетворительной оценке работы следователей в рассматриваемый период. По мнению автора, это стало одной из причин переподчинения транспортной прокуратуры из системы наркоматов юстиции союзных республик Верховному Суду СССР 27 августа 1933 г.

Ключевые слова: транспортная прокуратура, следствие, специальная юстиция.

On Operations of Investigative Branch of Transport Prosecutor's Office in the Beginning of 1930s

*Shkarevsky Denis N.,
Assistant Professor of the Institute of State and Law of the Surgut State University,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

The author in this article, based on archival material, describes the state of work of the investigative authorities of the transport prosecutor's office in the early 1930s. The author comes to a conclusion about the

unsatisfactory evaluation of the work of investigators in the period under review. In the author's opinion, this was one of the reasons for the reassignment of the transport prosecutor's office from the system of the People's Commissariats of Justice of the Union Republics to the Supreme Court of the USSR on August 27, 1933.

Key words: *transport prosecutor's office, investigation, special justice.*

Попытки описания деятельности органов транспортной прокуратуры предпринимались неоднократно¹. Однако многие из них страдают описательностью, переписыванием нормативных актов, отсутствием архивных источников. Некоторые авторы рассматривали отдельные аспекты развития транспортной прокуратуры в рамках более широкой темы транспортной юстиции².

Данная работа представляет собой попытку описать деятельность следователей транспортной прокуратуры в 1930–1933 гг., т. е. на начальном этапе их существования на основе архивных материалов делопроизводственного характера того периода.

Общезвестно, что 27 ноября 1930 г. вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О железнодорожных линейных судах». Основной целью создания судов на ж.д. транспорте было объявлено «усиление борьбы с преступлениями, угрожающими нормальной работе транспорта, приближение разбора дел... к месту совершения преступления, и ускорение производства этих дел, а также привлечение... внимания широкой пролетарской общественности». Таким образом, введение транспортной юстиции преследовало репрессивную и воспитательную цели.

Расследование дел о преступлениях, поданных ж.д. линсам, производилось специальными следователями, выделяемыми в РСФСР краевой (областной) прокуратурой, а в остальных республиках — прокуратурой соответствующей союзной республики. Прокурорский надзор по этим делам осуществляется специальными прокурорами,

выделяемыми на тех же принципах. Однако руководство деятельностью этих прокуроров осуществлялось непосредственно прокуратурой Верховного суда СССР.

Расследование этих дел должно было быть закончено не позднее 10 дней; не позднее 5 дней по окончании расследования эти дела должны были быть заслушаны в суде. В исключительных случаях (при затруднительности получения необходимых данных, вызова свидетелей и т. п.) эти сроки могли быть продлены на пять дней.

Судебные заседания рекомендовалось устраивать ближе к месту совершения преступления с привлечением широкой рабочей общественности и привлекать наряду с гособвинителями обвинителей из числа работников транспорта.

Работники органов транспортной юстиции *должны были устанавливать не только непосредственных виновников, но и лиц, ответственных за общую постановку дела на данном участке*, т. е. применять суровую репрессию к руководству ж.д. транспорта³.

Деятельность следователей транспортной прокуратуры в начале 1930-х гг. на страницах советской печати практически не освещалась⁴. Поэтому ее представляется возможным проследить только по архивным материалам.

Отмечу, что за работой органов транспортной юстиции руководство страны пристально наблюдало. Регулярно составлялись различные отчеты о деятельности этих органов. Однако многие документы до сих пор не рассекречены. Тем не менее некоторые архивные материалы проливают свет на деятельность органов транспортной юстиции того периода.

Первые итоги деятельности органов транспортной юстиции начинают подводить в начале 1933 г. К примеру, в марте 1933 г. директивным письмом «всем прокурорам и ж.д. новостроек» была обобщена практика работы следственных органов транспорт-

¹ Полянский Е.Ю. Очерк истории создания и развития транспортной прокуратуры на железнодорожном транспорте // Проблемы правоведения : респуб. межведом. науч. сб. Вып. 45. Киев : Вища шк., 1984. С. 107–111 ; Гавриленко К.А., Иванков К.А. Зарождение и развитие транспортной прокуратуры в России в XVIII — сер. XX вв. // Сибирский юридический вестник. 2011. № 2. С. 17–26.

² Козинцев А.Я. Органы транспортной юстиции СССР в 30-е годы XX века // Транспортное право. 2007. № 4. С. 34–39 ; Шкарековский Д.Н. Основные направления деятельности советской транспортной юстиции в 30-е гг. XX в. // История государства и права. 2013. № 4. С. 33–36.

³ О железнодорожных линейных судах : постановление ЦИК СССР № 50, СНК СССР № 667 от 27.11.1930 // СЗ СССР. 1930. № 57. Ст. 601.

⁴ Еженедельник советской юстиции за 1930–1935 гг.

ной прокуратуры (далее — ТП). В результате вскрылась довольно неприглядная картина. К примеру, выяснилось, что «состояние предварительного расследования до сих пор на большинстве дорог продолжает оставаться неудовлетворительным по темпам и особенно по качеству. Транспортная прокуратура, имея количественно небольшой собственный следственный аппарат... использует его неправильно и нецелесообразно... Правительство санкционировало некоторое расширение штата следователей ТП в текущем 1933 г., исходя из тех соображений, что своевременное реагирование прокуратуры на серьезные дефекты в работе транспорта, правильная постановка общенадзорной работы прокуратуры возможна при наличии хотя и небольшого, но качественно хорошо подобранного и боеспособного аппарата следователей»⁵.

К тому же вскрылось, что «на ряде дорог следователи или используются не по прямому своему назначению (составление отчетов, прием жалоб, участие в обследованиях, выступления в судах и т. п.) или же загружаются мелочными, не имеющими значения в условиях данной дороги делами. Например, на Томской ж.д. следователь Б. фактически выполняет секретарские обязанности; следователь Пермской дороги П. выполняет различные прокурорские поручения, не связанные с его прямыми обязанностями, вследствие чего за 1933 г. не передал в линейный суд ни одного законченного им дела. Надзор за расследованием со стороны прокуроров дорог или вовсе отсутствует или осуществляется формально... сводится к тому, что прокурор не критически всякую поступающую к нему переписку... передает следователю для расследования. Проверка дел в процессе расследования, дача по ней конкретных письменных указаний не практикуется, обвинительные заключения, постановления о прекращении штампуются прокурором»⁶.

Все это приводило к тому, что «работа следователей в огромной степени идет впустую: возбуждаются и расследуются ничемные дела, идущие в подавляющей части на прекращение. Так, из 146 дел, в 1932 г. находившихся в производстве в линследователя Московского узла, 95 прекращено производством. Из 52 дел, расследованных во 2 квартале 1932 г. следователями Пермской дороги 21 (39,2 %) прекращено, а из 25 дел

направленных в суды — в линсуд передано 6 дел, а остальные же, по маловажности — в народные суды».

Характер дел демонстрировал, «что следователи не используются для борьбы с наиболее важными делами и наиболее опасными преступлениями на транспорте. Так в производстве следователей... почти не было дел о плохой организации охраны социалистической собственности, о срыве и извращении хозрасчета, о задержках выплаты заработной платы, нарушении графика движения поездов, недоброкачественном ремонте паровозов и вагонов, срывах спаренной езды, о преступлениях в области строительства».

Следователи, как правило, ведут свою работу в канцеляриях, не выезжают на линию, не привлекают к себе в помощь общественный актив. Эти дефекты предопределили недопустимо низкое качество работы следователей»⁷.

Нагрузка следователей прокуратуры следственными делами оценивалась как «недопустимо низкая». Следователи Московского узла в 1932 г. в среднем расследовали 2,5 дела, еще меньше были нагружены следователи Троицкого, Чусовского районов Пермской ж.д. При такой нагрузке «в большинстве мелкими незначительными делами следствие проводится недопустимо медленными темпами. По данным обследования Московского узла, свыше 60 % дел в 1932 г. расследовано в срок более одного месяца. При этом качество расследования весьма неудовлетворительное».

При оценке качества следствия были выявлены следующие дефекты:

1) следствие ведется бессистемно и беспланово; отсутствует последовательность следственных действий; начатое дело обрывается...; оформление материалов — допросы, соби́рание документов — проводится крайне небрежно; материал следствия засоряется совершенно ненужными бумагами;

2) множественность передопросов одних и тех же лиц, вызов не связанных с делом свидетелей и отвлечение их от производства. Производство не вызывающихся необходимостью технических и бухгалтерских экспертиз; поверхностность следственных действий, в особенности допросов, невыявление социального лица привлекаемого, обстоятельств и мотивов преступления»⁸.

⁵ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 10. Д.105. Л. 26.

⁶ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 10. Д.105. Л. 26 об.

⁷ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 10. Д.105. Л. 27.

⁸ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 10. Д.105. Л. 27 об.

Обвинительные заключения излагаются весьма путано и загромождаются ненужными посторонними деталями, без достаточного анализа факта преступления и его доказательств; перегружаются не относящимися к данному конкретному делу лишней и часто политически безграмотной фразеологией;

3) сами следователи не проявляют инициативы в совершенствовании методов расследования, в освоении техники транспортного хозяйства...⁹

Для исправления ситуации ТП постановила следующее:

«Категорически запретить линейным прокурорам отвлекать следователей от их непосредственной прямой обязанности — производства расследования... Организовать работу линейных следователей таким образом, чтобы они производили расследование по наиболее важным в условиях дороги и района политически злободневным и технически сложным делам... Не допускать передачу следователям для расследования материалов, требующих лишь предварительной проверки... Вменить в обязанность следователям в случаях получения ими материалов, не требующих расследования, с предложением прокурора о производстве такового представлять свои возражения прокурору дороги и в... Транспортную прокуратуру ВС СССР.

Вменить в обязанность транспортным прокурорам осуществлять деловой надзор

⁹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 10. Д.105. Л. 28.

за ходом расследования, давая конкретные указания в письменном виде по делам. Добиться максимальной нагрузки следователей, полно уплотнения рабочего времени. Установить в качестве минимальной нормы окончания следственных дел 6 дел в месяц на каждого следователя. Развернуть социалистическое соревнование между следователями прокуратуры дороги и между следователями разных дорог на лучшие темпы и качество расследования... Добиться приближения расследования к месту совершения преступления и с этой целью практиковать шире выезды следователей на линию по конкретным делам. Ввести в практику созыв совещаний следователей по дороге, для обсуждения вопросов техники расследования, улучшения методов и устранения выявляемых дефектов»¹⁰.

Таким образом, деятельность органов следствия ТП в начале 1933 г. руководством страны оценивалась как неудовлетворительная. Вероятно, это стало одним из факторов, предопределивших перевод транспортных судов и транспортной прокуратуры из системы наркоматов юстиции союзных республик и переподчинение их Верховному Суду СССР 27 августа 1933 г.¹¹

¹⁰ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 10. Д.105. Л. 28–29.

¹¹ О передаче всех водных транспортных судов и всей водной транспортной прокуратуры в непосредственное подчинение Верховного Суда Союза ССР и Прокуратуры Союза ССР: постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апр. 1936 г. // СЗ. 1936. № 18. Ст. 150.

Литература

1. Полянский Е.Ю. Очерк истории создания и развития транспортной прокуратуры на железнодорожном транспорте / Е.Ю. Полянский // Проблемы правоведения : респуб. межведом. науч. сб. Вып. 45. Киев : Вища шк., 1984. С. 107–111.
2. Гавриленко К.А. Зарождение и развитие транспортной прокуратуры в России в XVIII — сер. XX вв. / К.А. Гавриленко, К.А. Иванков // Сибирский юридический вестник. 2011. № 2. С. 17–26.
3. Козинцев А.Я. Органы транспортной юстиции СССР в 30-е годы XX века / А.Я. Козинцев // Транспортное право. 2007. № 4. С. 34–39.
4. Шкаревский Д.Н. Основные направления деятельности советской транспортной юстиции в 30-е г. XX в. / Д.Н. Шкаревский // История государства и права. 2013. № 4. С. 33–36.
5. Еженедельник Советской юстиции за 1930–1935 гг.
6. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 10. Д.105. Л. 26–29.

Организация советской прокуратуры: опыт Крымской АССР (1922–1936 гг.)

*Хаяли Рустем Изеттович,
заведующий кафедрой общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Крымского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
доктор исторических наук, доцент
rustocean_79@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности становления органов прокуратуры Крымской АССР в составе РСФСР. Пристальное внимание уделяется анализу республиканской и союзной нормативно-правовой базы, обеспечившей деятельность органов прокуратуры в республике.

Ключевые слова: Крымская АССР, прокуратура, надзор.

Soviet Prosecutor's Office Arrangement: Experience of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (1922–1936)

*Khayali Rustem I.,
Head of the Department of the General Humanities and Socioeconomic Disciplines
of the Crimean Law Institute (branch)
of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation,
Doctor of History, Assistant Professor*

The article discusses the features of the formation of the prosecution bodies of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic within the RSFSR. Careful attention is paid to the analysis of the national and the Union regulatory framework that ensured the prosecution bodies activity in the country.

Key words: Crimean ASSR, the prosecution bodies, the supervision.

Осенью 1920 года в Крыму была установлена советская власть во главе с Крымским революционным комитетом. 18 октября 1921 года за подписью председателя Всероссийского ЦИК М. Калинина, председателя СНК В. Ульянова, секретаря А. Енукидзе вступает в силу постановление об образовании в составе РСФСР в границах Крымского полуострова Крымской Социалистической Советской Республики.

Статус Крымской ССР имел отличительные особенности от других государственных образований в составе РСФСР. Это во многом объяснялось многонациональным составом и поликонфессиональностью региона, военно-политическими факторами Гражданской войны. Советская власть была установлена на полуострове лишь с третьей попытки. В связи с этим республике были предоставлены самые широкие полномочия во всех сферах национально-государственного строительства. В Крымской ССР, как и в Белорусской ССР, ЗСФСР и Украинской ССР на основе рецепции российского законодатель-

ства были разработаны и приняты «Положение о прокурорском надзоре в Крымской ССР», «Положение об НКВД», «Положение о наркомате юстиции», «Положение о местных советах», другие важные документы.

Нормативно-правовые акты, принимаемые СНК и ЦИК Крымской ССР, публиковались на русском и татарском языках в «Собрании Узаконений и Распоряжений Крымреспублики», где находили свои отражения местный быт и местные условия. СНК и ЦИК Крымской ССР принимали и вводили в действие законы РСФСР, оставляя за собой право видоизменять их, согласно местным условиям и особенностям.

С образованием СССР в 1922 году, принятием Конституции СССР в 1924 году и Конституции РСФСР в 1925 году, где появляется термин «автономия», в официальных документах республика именуется как Крымская Автономная Социалистическая Советская Республика.

В целях обеспечения законности и правопорядка на этапе национально-государ-

ственного строительства в Крымской АССР важной задачей являлась организация советских правоохранительных органов.

Общеизвестно, что в соответствии с марксистской доктриной о сломе буржуазного государственного аппарата «Декретом о суде № 1» от 24 ноября 1917 года прокуратура Российской империи была ликвидирована¹. Крым в этом плане являлся исключением, так как вплоть до окончательного установления советской власти осенью 1920 года здесь действовали органы прокуратуры. Только с установлением советской власти в конце 1920-х годов происходит ликвидация прокуратуры.

Как отмечают исследователи, советский период развития прокуратуры предшествовал современному этапу отечественной истории прокурорской системы, определивший облик современной прокуратуры с развитой законодательной базой².

25 августа 1922 года ЦИК и СНК Крымской ССР утверждают разработанное НКЮ республики «Положение о прокурорском надзоре в Крымской ССР». 1 сентября 1922 года с опубликованием положения в крае приступили к организации прокуратуры.

Создание органов прокуратуры и организация прокурорского надзора при НКЮ были своевременными, так как в республике по докладу председателя революционного трибунала «О состоянии и деятельности единого революционного трибунала Крыма» отмечалась слабость аппарата ЧК, уголовного розыска, народных судов и народных следователей³.

Полноценное функционирование правоохранительных органов, как и всего советского государственного аппарата, стало возможным на основе возрождения прокуратуры нового типа в системе исполнительной власти, обладающей надзорными функциями за соблюдением законности.

По «Положению», провозгласившему «осуществление надзора за соблюдением законов и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью», предполагалось учредить в составе НКЮ государственную прокуратуру.

¹ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

² Шобухин В.Ю. Генезис советского законодательства о прокуратуре // История государства и права. 2016. № 22. С. 54.

³ ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

На прокуратуру возлагалось:

а) осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений; б) непосредственное наблюдение за деятельностью органов дознания и следствия в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью органов ГПУ; в) поддержание обвинения на суде; г) наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей; д) участие в гражданском процессе.

Во главе прокуратуры в качестве прокурора республики стоял народный комиссар юстиции, в непосредственном заведывании которого находится входящий в состав народного комиссара юстиции отдел прокуратуры.

При прокуроре республики состояли помощники, которые утверждались и отзывались Президиумом ЦИК по представлению прокурора республики.

В непосредственном подчинении прокурору республики в каждом округе состоял окружной прокурор по назначению прокурора республики. Увольнение, перемещение и отстранение от должности прокурора производились прокурором республики. Кроме того, при симферопольском и Севастопольском ревтрибуналах состояли по одному окружному по делам ревтрибуналов прокурору.

Правовая база деятельности органов прокуратуры в Крымской ССР осуществлялась на основе рецепции российского законодательства. Вместе с тем «Положение» имело отличие. Так, в него был включен пункт «д», оговаривавший участие прокурора в гражданском процессе.

В соответствии с «Положением» на прокурора республики возлагалось:

а) наблюдение за законной деятельностью всех народных комиссариатов и иных центральных учреждений и организаций и предложение об отмене или изменении изданных ими незаконных распоряжений или постановлений; б) опротестование указанных выше распоряжений и постановлений в СНК и Президиума ЦИК на предмет их отмены, принесение протеста прокурором не приостанавливает, однако, проведения в жизнь опротестованного постановления или решения; в) руководство и наблюдение

за деятельностью помощников прокурора республики, а также прокуроров и их помощников на местах и дача им разъяснений и указаний по всем возникающим в их деятельности вопросам; г) непосредственное осуществление функций прокуроров в тех случаях, когда прокурором республики это будет признано необходимым.

Прокурор республики представлял ежегодно в Президиум ЦИК отчеты о своей деятельности и всех подведомственных ему прокуроров.

В круг обязанностей прокуроров на местах входит:

а) входить с представлением в исполнительные комитеты об отмене или изменения изданных ими или подчиненными им органами незаконных распоряжений и постановлений; б) опротестовывать указанные выше распоряжения и постановления через прокурора республики в СНК или Президиум ЦИК.

Прокурор имеет право присутствовать на всех заседаниях местных исполкомов с совещательным голосом.

В области борьбы с преступностью на прокуратуру возлагалось:

а) возбуждение судебного преследования против должностных и частных лиц, как по собственной инициативе, так и по поступающим в нему жалобам и заявлениям; б) надзор за производством дознания и предварительного следствия и дача указаний и разъяснений органам дознания и предварительного следствия по вопросу о мере пресечения, а равно и по другим, связанным с предварительным следствием вопросам; в) разрешение вопроса о предании суду и прекращении дел, поступающих к нему от органов дознания; предложения прокуратуры о предании суду по данной категории направляются непосредственно в суд; г) утверждение обвинительных заключений следователей по всем делам, по которым производилось предварительное следствие, составление обвинительного акта и постановление о прекращении дела и случаях несогласия прокурора с заключением следователя с направлением таковых в распорядительное заседание суда для окончательного утверждения; д) участие в распорядительных заседаниях суда по вопросам о предании суду прекращении дел во всех тех случаях, когда прокуратура признает свое личное участие в этих заседаниях необходимым; е) поддержание обвинения в суде; ж) опротестование в кассационном порядке приговоров и определений, выносимых

судом, а также опротестование в порядке высшего судебного контроля вошедших в законную силу приговоров судов первой инстанции и кассационных решений Советов народных судей; з) проверка правильности содержания под стражей во всех без исключения местах лишения свободы и освобождение лиц, неправильно содержащихся.

Прокурор осуществлял предоставленные ему права как лично, так и через своих помощников. Прокуроры были вправе требовать от всех действующих административных учреждений и должностных лиц необходимые сведения и материалы, каковые требования являются для означенных учреждений и лиц обязательными.

Создание прокурорских органов в Крымской ССР осуществлялось в общероссийском русле, в новом формате и было закономерным явлением, так как опыт первых лет государственного строительства показал, что осуществление надзорных функций различными исполнительными органами было малоэффективным.

На основании данного «Положения» прокуратура Крымской ССР (АССР) осуществляла свою деятельность вплоть до 1933 года, когда было принято новое союзное положение.

16 сентября 1922 года прокуратура республики приступила к работе в Симферополе. Первым наркомом НКЮ и прокурором республики КрымЦИК был назначен Фирдевс⁴.

Циркуляр НКЮ РСФСР № 1, принятый в 1923 году, предписывал: «...поставить основной задачей такое повседневное направление работы прокуратуры, чтобы каждый трудящийся страны знал и понял, что именно в лице прокурора он всегда имеет первого и самого близкого защитника и охранителя его интересов»⁵.

⁴ Фирдевс (Керимджанов Исмаил Керимович), 1889. Уроженец Симферополя. Член ВКП (б). В 1917–1921 гг. — один из активных участников установления советской власти в Крыму. Арестован в 1929 г. по делу Султан-Галиевской контрреволюционной националистической организации. Коллегией ОГПУ 13 января 1931 г. приговорен по ст. 58-4-6-11 УК РСФСР к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ. 9 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 27 октября 1937.

⁵ Полянский С. К вопросу о работе прокуратуры по общему надзору // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 41. С. 15.

В деле организации прокурорского надзора в республике встречались трудности. На местах не всегда имелись в наличии кодексы, копии циркуляров наркомата юстиции, другие нормативно-правовые акты. Отсутствие теоретических знаний и практических навыков прокурорских работников компенсировалось циркулярами вышестоящих органов прокуратуры, в которых детально разъяснялись те или иные положения нормативно-правовой базы.

Следующим этапом в правовом обеспечении организации прокурорского надзора в республике стало заседание Крымского областного комитета РКП (б) 10 января 1923 года, где был заслушан доклад наркома НКЮ и прокурора республики Фирдесва, по результатам которого было принято решение о разработке положения о НКЮ и положения о Крымском суде⁶.

Работа по разработке положения была завершена через год. 17 января 1924 года принимается постановление КрымЦИК и в действие вводится «Положение о Народном комиссариате юстиции», в котором оговаривается статус отдела прокуратуры⁷.

В частности, на отдел возлагались следующие задачи:

а) осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестовывания нарушающих законы постановлений, предложение об отмене или изменении изданных постановлений;

б) руководство и наблюдение за деятельностью помощников прокурора республики, а также помощников на местах и дача им разъяснений и указаний по всем возникающим в их деятельности вопросам;

в) непосредственное наблюдение за деятельностью органов следствия, дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью Крымполитуправления;

г) наблюдение за правильным функционированием мест лишения свободы и исправительно-трудовых учреждений и разработка совместно с НКВД правил об исправительно-трудовой системе в отношении лиц, приговоренных к лишению свободы или принудительным работам без лишения свободы;

⁶ ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.

⁷ ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 52. Л. 21.

д) осуществление функций надзора в Главсуде и его отделениях согласно положению о судеустройстве и процессуальных законов;

е) производство следствия по предложению КрымЦИК и КрымСНК и прокурора республики;

з) назначение, перемещение и отзыв районных прокуроров, учет личного состава прокурорского надзора⁸.

Данное положение, имея незначительные отличия, было принято на основе «Положения о Народном комиссариате юстиции» РСФСР от 1 февраля 1923 года.

В 1924 году в республике была проведена административная реформа. Вместо округов были созданы районы. В связи с районированием прокуроры округов были переименованы в участковых прокуроров районов.

29 октября 1924 года принимаются Основы судеустройства Союза ССР и союзных республик, где определяется компетенция прокуроров союзных и автономных республик⁹.

Утвержденное 19 ноября 1926 года ВЦИК «Положение о судеустройстве РСФСР» определило правовой статус следователей органов прокуратуры, подчеркивая их процессуальную самостоятельность при принятии конкретных решений и в то же время поднадзорность органам прокуратуры при применении уголовного и уголовно-процессуального законодательства¹⁰.

Постановлением ВЦИК РСФСР от 10 октября 1930 г. была определена типовая структура аппарата областной прокуратуры. В его состав входили: а) группа общего надзора; б) группа по наблюдению за судебно-следственными органами; в) группа по наблюдению за местами заключения; г) группа по охране труда и производства; д) группа по наблюдению за органами ГПУ¹¹.

Развитие Советского государства оказало качественное влияние на правоохранительные органы и в первую очередь на

⁸ ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 52. Л. 22.

⁹ Советская прокуратура в важнейших документах / сост. В.Г. Лебединский, Д.И. Орлов. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 309.

¹⁰ СУ РСФСР. 1926. № 35. Ст. 624.

¹¹ История советской прокуратуры в важнейших документах / под. ред. К.А. Мокичева. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. С. 438.

прокуратуру. В середине 1920-х годов формируется идея выделения прокуратуры из состава НКЮ в единый централизованный орган. Так, старший помощник прокурора РСФСР и одновременно заместитель народного комиссара юстиции РСФСР Н.В. Крыленко на вопрос: «Какой орган в Союзе должен наблюдать за законностью, за правильной разработкой законов и их проведением?», дал ответ: «Этим органом должна быть Общесоюзная Прокуратура, а не Общесоюзный Наркомат Юстиции»¹².

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 года была ликвидирована прокуратура Верховного Суда Союза ССР и учреждена прокуратура Союза ССР. Положение конкретизировало функции прокуратуры СССР, определило взаимоотношения и формы руководства прокурора СССР деятельностью прокуратур союзных республик¹³.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 декабря 1933 года было утверждено Положение о прокуратуре Союза ССР¹⁴, которым определялись система и функции прокуратуры. Соответственно изменился и порядок назначения прокурора Крымской АССР. Отныне прокурор автономии назначался и отзывался прокурором РСФСР с согласия прокурора Союза ССР. Также прокуроры по специальным делам и по надзору за оперативными секторами ОГПУ в Крым-

ской АССР назначались и отзывались прокурором СССР. Отныне прокуратура Крымской АССР осуществляла прокурорский надзор на основе союзного положения.

Завершающим этапом в деле централизации органов прокуратуры республики послужило Постановление ЦИК и СНК Крымской АССР от 22 марта 1936 года «О реорганизации народного комиссара юстиции», в соответствии с которым органы прокуратуры и следствия республики были выведены из состава НКЮ и подчинены прокурору СССР.

Статус прокуратуры в автономии был закреплен Конституцией Крымской АССР 1937 года. В Конституции органам суда и прокуратуры была посвящена VII глава. Статья 82 закрепила порядок назначения прокурора Крымской АССР прокурором СССР сроком на пять лет. Районные и городские прокуроры автономной республики назначались прокурором РСФСР с утверждения прокурора СССР также сроком на пять лет (ст. 83). Статья 81 Конституции определила задачи прокуратуры как высший надзор за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами на территории Крымской АССР. Высший надзор осуществлялся как прокурором СССР непосредственно, так и через прокурора РСФСР и прокурора Крымской АССР. Органы прокуратуры осуществляли свои функции, независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только прокурору СССР и прокурору РСФСР (ст. 84).

Вхождение прокуратуры Крымской АССР в единую централизованную прокурорскую систему СССР на основе союзного положения, закрепление статуса прокуратуры на конституционном уровне вывели организацию прокурорского надзора в республике на новый уровень.

¹² Яхонтов В. Всесоюзный Комиссариат Юстиции и Всесоюзная Прокуратура. По поводу ст[атьи] тов. Крыленко «Всесоюзная Прокуратура, а не Всесоюзный Наркомат Юстиции (Правда. № 117) // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 24. С. 857–859.

¹³ История советской прокуратуры в важнейших документах... С. 510–511.

¹⁴ Кольхалов Д.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность в СССР в 1928–1941 гг. : монография. М., 2014. С. 61–62.

Литература:

1. История советской прокуратуры в важнейших документах / под ред. К.А. Мокичева. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1952. 583 с.
2. Кольхалов Д.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность в СССР в 1928–1941 гг. : монография / Д.М. Кольхалов. М., 2014. 416 с.
3. Полянский С. К вопросу о работе прокуратуры по общему надзору / С. Полянский // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 41.
4. Советская прокуратура в важнейших документах / сост. В.Г. Лебединский, Д.И. Орлов. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1956. 508 с.
5. Шобухин В.Ю. Генезис советского законодательства о прокуратуре / В.Ю. Шобухин // История государства и права. 2016. № 22. С. 26–30.
6. Яхонтов В. Всесоюзный Комиссариат Юстиции и Всесоюзная Прокуратура. По поводу ст[атьи] тов. Крыленко «Всесоюзная Прокуратура, а не Всесоюзный Наркомат Юстиции (Правда. № 117) / В. Яхонтов // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 24. С. 857–859.

Формирование прокуратуры на территории Крыма в период крымских краевых правительств

*Задерейчук Иван Панасович,
доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин
Крымского юридического института (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
кандидат исторических наук, доцент
zadereychuk@rambler.ru*

В статье исследованы проблемы, связанные с историей развития прокуратуры на территории Крыма в 1918–1919 гг. Раскрыта политика Первого и Второго Крымских Краевых правительств по формированию прокуратур при Крымском Правительствующем сенате, Крымской судебной палате, Симферопольском окружном суде. Показаны основные направления осуществления прокурорского надзора на территории Крыма в исследуемый период.

Ключевые слова: Крымское Краевое правительство, прокуратура, прокурорский надзор, история Крыма, государственное строительство в Крыму.

Establishment of Prosecutor's Office on Crimea Territory at Time of the Crimean Regional Governments

*Zadereychuk Ivan P.,
Assistant Professor of the Department of the General Humanities and Socioeconomic Disciplines
of the Crimean Law Institute (branch)
of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

The article touches upon the problems which are connected with the history of the development of Public Prosecutor's Office on the Crimean territory in 1918–1919. The formation policy of Public Prosecutor's Offices attached to the Crimean Governmental Senate, the Crimean Judicial Chamber, and Simferopol District Court at the time of the First and Second Crimean Regional Governments is being revealed. The main tendencies of implementation of prosecutor's supervision on the territory of the Crimea during the studied period are shown.

Key words: Crimean Regional Government, Public Prosecutor's Office, prosecutor's supervision, history of the Crimea, governmental structuring in the Crimea.

Период 1917–1920 гг. занимает особое место в истории развития отечественного государства и права. В условиях распада Российской империи происходило активное национальное государственное строительство. Территория Крыма не осталась в стороне от этих процессов. Именно в период с мая 1918 по апрель 1919 г. на полуострове функционировало Первое и Второе Крымское краевое правительство. Его лидеры уделяли особое внимание вопросам создания органов власти и восстановлению законности в регионе.

К 1 мая 1918 г. Крым был окончательно оккупирован германскими войсками. Новые власти предпринимали попытки к организации крымского правительства под контролем немецкого командования. Уже в первые дни государственного строительства в Крыму местная элита активно за-

нималась формированием органов власти. В одном из меморандумов от 2 июня 1918 г. на имя немецкой власти в лице генерала Коша желающие работать в правительстве В. Налбандов, С. Горчаков, Т. Рапп, Д. Сейдамет, Д. Фриман, В. Татищев отмечали, что вопрос «о создании в Крыму верховной власти требовал немедленного и окончательного решения ввиду настоятельной необходимости восстановления в крае порядка и законности»¹.

5 июня 1918 г. М.А. Сулькевич возглавил Первое Краевое правительство. Вступая в должность, он акцентировал: «...первой задачей ставлю восстановление нормальной деятельности всех правительственных

¹ Меморандум Налбандова, Горчакова, Раппа и других от 20 июня 1918 г. // Красный архив. 1927. Т. 22. С. 115–116.

и общественных учреждений, восстановление законности и порядка». В декларации «К населению Крыма» провозглашалась самостоятельность полуострова, вводились гражданство Крыма и государственная символика, ставилась задача создания собственных вооруженных сил и денежной единицы. Столицей был объявлен Симферополь. Закреплялось три государственных языка: русский, крымско-татарский и немецкий. Восстанавливалась частная собственность². Кроме того, на территории Крыма новые власти сохраняли в силе законодательство периода России, действовавшее до 25 октября 1917 г. При этом Краевое правительство сохраняло за собой право незамедлительного пересмотра и упорядочения законодательства бывшего Временного Правительства и право издания новых законов³.

После ухода из Крыма немецких оккупационных войск правительство М.А. Сулькевича 15 ноября 1918 г. мирно передало свою власть Второму Крымскому Краевому правительству. Нового главу Крыма избрали представители земства Таврической губернии. Им стал авторитетный местный политик С.С. Крым. Накануне была обнародована Декларация, провозглашавшая единую и неделимую Россию как «свободное демократическое государство, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех народностей, его населяющих»⁴. Второе правительство просуществовало до конца апреля 1919 г. и эмигрировало в Константинополь, что позволило большевикам сформировать Крымскую ССР.

В 1918–1919 гг. социально-экономическая обстановка в регионе обострилась. Происходило закрытие одного за другим предприятий, катастрофически росло число безработных, падал жизненный уровень всех слоев населения, за исключением спекулянтов и людей, жаждущих наживы в тяжелых для народа условиях. В такой сложной исторической ситуации новые власти, наследуя опыт Российской империи, стремились возобновить осуществление на контролируемых территориях прокуратуры.

² Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: Антиква, 2008. С. 378–384.

³ Декларация Крымского правительства от 25 июня 1918 г. к населению Крыма // Красный архив. 1927. Т. 22. С. 117.

⁴ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 445.

Это было характерно для правительств и генерала М. Сулькевича, и С. Крыма.

В период деятельности Краевых правительств, с июня 1918 г. по март 1919 г., прокурорскую иерархию на полуострове возглавлял министр юстиции. Эту должность поочередно занимали граф В. Татищев, с 13 сентября 1918 г. — А. Ахматович⁵, с 15 ноября 1918 г. министерство возглавил В. Набоков (сын министра юстиции Российской империи Д. Набокова).

Помимо Министерства юстиции в Крыму был учрежден Крымский Правительствующий сенат. Согласно принятому положению, Сенат являлся органом надзора «в порядке управления и исполнения». Ему принадлежало суждение по делам, подведомственным по закону 1–4 департаментам Правительствующего Сената, а также он являлся высшей кассационной инстанцией. Работа Крымского Правительствующего сената регулировалась правовыми нормами, ранее определявшими работу Правительствующего сената Российской империи. Сенат должен был действовать или в общем собрании, или в составе присутствия: административного, гражданского, кассационного и уголовного кассационного.

Для исполнения прокурорских обязанностей, а равно и для заведования канцелярией при Крымском Правительствующем сенате учреждались должности обер-прокурора и двух товарищей обер-прокурора. Исполнение прокурорских обязанностей в общем собрании Сената и трех его присутствиях принималось обер-прокурором на себя и распределялось между его товарищами по ордерам обер-прокурора⁶.

24 декабря 1918 г. на полуострове была учреждена Крымская судебная палата. При ней для исполнения прокурорских обязанностей, а также заведования канцелярией суда по штату вводился прокурор и его товарищ. Исполнение прокурорских обязанностей в общем собрании судебной палаты и ее присутствиях: административном, гражданском кассационном и уголовном кассационном, осуществлялось прокурором судебной палаты и его товарищем прокурором. В военно-судебном присутствии судебной палаты обязанности прокурора возлагались на

⁵ Там же. С. 449.

⁶ Положение о Крымском Правительствующем Сенате // Собрание узаконений и распоряжений Крымского краевого правительства. 1918. № 6. Ст. 72.

начальника военно-судебного отдела военного министерства, по званию главного военного прокурора⁷.

В период Первого и Второго Краевого правительства была восстановлена работа и Симферопольского окружного суда. Штатное расписание прокуратуры включало в себя должность прокурора, 14 товарищей прокурора, секретаря и помощника секретаря прокурора. Прокуроры наделялись правом определять численный и персональный состав технических работников прокуратуры⁸. Закрепив штатную численность, Крымское краевое правительство установило и оклады работников Симферопольского окружного суда. Председатель окружного суда получал 12 600 руб. в год, прокурор — 11 400 руб., товарищ прокурора — 7800 руб., на канцелярию ему дополнительно выделялось 1200 руб., секретарь прокурора — 4800 руб., а помощник секретаря прокурора — 3600 руб.⁹

7 февраля 1919 г. Совет министров Краевого правительства издал постановление, которым создавал в округе Крымской судебной палаты Мелитопольский окружной суд. Территориально в зону его работы были включены Мелитопольский, Бердянский и Днепровский уезды. Структурно суд состоял из четырех отделов: одного уголовного, двух гражданских, одного административного, который объединял регистрационный подотдел и финансовую часть¹⁰. Штат прокуратуры должен был насчитывать одного прокурора и 10 товарищей прокурора, а также секретаря и помощника секретаря прокурора¹¹. С момента учреждения суда на его рассмотрение передавались все уголовные и административные дела, которые относились к трем северным уездам бывшей Таврической губернии¹².

Помимо указанных выше судов, при которых действовали прокуратуры, прави-

тельство М. Сулькевича 12 июля 1918 г. инициировало создание Крымского краевого военно-окружного суда¹³. При нем формировался военно-прокурорский надзор со следующим штатом: председатель в звании генерал-лейтенанта или генерал-майора с должностным окладом 12 тыс. руб. год; два военных судьи и один военный следователь; военный прокурор (генерал-майор или полковник) с окладом 10,8 тыс. руб. в год¹⁴. Главная цель деятельности этого суда и военной прокуратуры заключалась в судебном рассмотрении дел лиц, обвиняемых в преступлениях против личности и собственности, а также в действиях, направленных на свержение законной власти в период с 25 октября 1917 г. по май 1918 г.¹⁵

Крымское краевое правительство, опираясь на предыдущий опыт государственного строительства, определяло основные направления деятельности прокуратуры: во-первых, надзор за единым и точным соблюдением законов; во-вторых, выявление и преследование перед судом любых нарушений правопорядка и его восстановление; в-третьих, участие в судебных процессах со стороны государственного обвинителя¹⁶. Также прокуратура продолжала осуществлять надзор за местами заключения и участвовать в заседаниях различных губернских присутственных мест¹⁷.

Крымское краевое правительство, наделив себя правом законотворчества, активно вносило изменения в ранее действовавшее в России законодательство. В частности, принимались нормы, направленные на регулирование деятельности прокуратур. Например, была дополнена ст. 312 Устава уголовного судопроизводства. Она предусматривала, что прокуроры и его то-

⁷ ГАРК. Ф. Р-999. Оп. 1. Д. 163. Л. 391–395.

⁸ Штаты Симферопольского окружного суда и состоящих при нем установлений и лиц // Собрание узаконений и распоряжений Крымского краевого правительства. 1918. № 6. Ст. 74.

⁹ Там же. Ст. 75

¹⁰ Велігодський Д.В. Державні утворення в Криму наприкінці 1918 — в 1920 рр.: історико-правове дослідження : дис. ... канд. юрид.наук. Київ, 2005. С. 52–53.

¹¹ ГАРК. Ф. Р-1000. Оп. 4. Д. 1. Л. 12.

¹² Учреждение Мелитопольского окружного суда // Южные ведомости. 1919. № 31.

¹³ Об учреждении Крымского Краевого военно-окружного суда // Собрание узаконений и распоряжений Крымского краевого правительства. 1918. № 1. Ст. 13.

¹⁴ Пашеня В.Н. Судебные органы Крыма в конце XVIII — XX вв. Симферополь : ДИАИПИ, 2012. С. 100.

¹⁵ Об учреждении Крымского Краевого военно-окружного суда...

¹⁶ Редькіна О.М. Кримський крайовий уряд генерал-лейтенанта М.Сулькевича (червень — листопад 1918 р.): історико-правове дослідження : дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2003. 230 с.

¹⁷ Собрание узаконений и распоряжений Крымского краевого правительства. 1918. № 7. Отд. 1. С. 152, 158, 161–163.

варищи не должны требовать начала следствия без достаточных к тому оснований. В случае если возникали сомнения, они были обязаны при помощи полицейского расследования собрать дополнительные сведения. Также в ст. 312 закреплялось требование о том, что «по делам о преступных деяниях, влекущих за собой наказания, соединенные с лишением всех особенных прав и преимуществ, если в деле не имеется указание на лицо, обвиняемое или подозреваемое, они могут также или прекратить дело, или предложить судебному следователю произвести отдельные точно указанные следственные действия на предмет установления событий преступления»¹⁸.

Преобразования коснулись и участия прокурора в гражданском процессе. В частности, в ст. 1460 Устава гражданского судопроизводства было внесено дополнение, направленное на урегулирование процедуры признания лица душевнобольным и установление над ним опеки. В ней закреплялось обязательное участие прокурора при освидетельствовании больного за пределами суда. Также прокурор получал право давать заключение о признании человека душевнобольным и обжаловать решение окружного суда или судебной палаты по вопросам признания лица недееспособным¹⁹.

После установления на полуострове власти генерала М.А. Сулькевича прокуратура впервые столкнулась с проблемой дачи правовой оценки деятельности большевиков весной 1918 г. Прокурор Симферопольского окружного суда требовал предоставить ему сведения о всех совершенных преступлениях в период существования Советской Социалистической Республики Таврида. В ответ товарищ прокурора по Ялтинскому участку в мае 1918 г. писал, что предоставить полный отчет не представляется возможным. Связано это было с массовыми разбоями, грабежами, нападениями на правительственные учреждения. Также не было возможности выяснить количество пострадавших и убитых граждан в период власти

большевиков. Кроме того, специально для решения проблемы восстановления нарушенных прав в Ялте была создана юридическая комиссия. Но она не справлялась с тем потоком заявлений, которые поступали от местного населения. Например, только в Алуште и Гурзуфе число жертв среди мирного населения превышало несколько сотен человек. В результате товарищ прокурора Ялтинского участка просил окружного прокурора оказать содействие в скорейшем установлении следственной власти в регионе. Для достижения этой цели необходимо было направить в Ялту несколько лиц для производства следствий. Осуществление этого позволило бы организовать эффективную работу по расследованию преступлений прежней власти, а также вызвать доверие к новому режиму со стороны местного населения²⁰.

Особую роль Крымское краевое правительство отводило прокуратуре и в осуществлении надзора за различной антиправительственной агитацией, пресечением панических слухов. Прокуроры крымских участков систематически докладывали прокурору окружного суда о выявленных фактах большевистской агитации и предпринятых в этом отношении мерах. Например, 24 февраля 1919 г. товарищ прокурора Севастопольского участка В.А. Леонтьев направил в Симферополь соответствующее представление. В нем сообщалось, что 20 февраля в городе на заборах были наклеены листовки с обращением коммунистической партии Украины и Крыма с призывом к рабочим и крестьянам к противодействию закону о мобилизации и деятельности Добровольческой армии, и выхвалять советскую власть. Чины городской милиции приняли меры для устранения означенных прокламаций с улиц и домов. Политический отдел судебно-уголовного отделения приступил к производству расследования²¹.

Крымской прокуратуре приходилось осуществлять свою деятельность в сложных социально-экономических условиях, связанных с инфляцией и дефицитом товаров. Власти осознавали эти проблемы и предпринимали все возможные меры, направленные на социальную защиту чиновников в целом и прокуроров в частности. Прежде

¹⁸ О допущении производства отдельных следственных действий // Собрание узаконений и распоряжений Крымского краевого правительства. 1918. № 7. Ст. 100.

¹⁹ О дополнении книги четвертой «Судопроизводство охранительное» Устава гражданского судопроизводства // Собрание узаконений и распоряжений Крымского краевого правительства. 1918. № 7. Ст. 88.

²⁰ ГАРК. Ф. 483. Оп. 4. Д. 1221.

²¹ ГАРК. Ф. 483. Оп. 4. Д. «Переписка и сообщения о найденной прокламации в городе Севастополе». 20 февраля — 4 марта 1919 г. Л. 4.

всего, оказывали помощь молодым семьям, имеющим детей. Так, в декабре 1918 г. были разработаны правила об оказании пособия на обучение детей в школах. Предусматривалось выделение денежных пособий всем прокурорам, которые проработали минимум один год в ведомстве, в размере на одного ребенка — 1/2 от суммы оплаты за обучение, для двоих учеников — 2/3, а для троих — 3/4 на каждого ребенка, для четырех и более полная сумма, но не выше 700 руб.²²

²² ГАРК. Ф. 483. Оп. 4. Д. 1237. Л. 6.

Таким образом, в период функционирования Крымских краевых правительств на территории полуострова была сформирована система прокуратуры, аналогичная действовавшей в России до октября 1917 г. Именно на прокуратуру власти возлагали обязанность по восстановлению правопорядка и законности в регионе, пресечению антиправительственной агитации, даче правовой оценки деятельности большевиков в Крыму зимой-весной 1918 г., осуществлению надзора за следствием, местами лишения свободы, а также представлению государственного обвинения в суде.

Литература

1. Бессарабов В.Г. Правозащитная деятельность российской прокуратуры (1722–2002 гг.): история, события, люди / В.Г. Бессарабов. М., 2003. 416 с.
2. Велігодський Д.В. Державні утворення в Криму наприкінці 1918 — в 1920 рр.: історико-правове дослідження : дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Велігодський. Київ, 2005. 42 с.
3. Зарубин А.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму / А.Г. Зарубин, В.Г. Зарубин. Симферополь : АнтикВА, 2008. 231 с.
4. Зарубин В.Г. Крым в 1918–1919 гг.: интервенты, местные власти и наследие / В.Г. Зарубин // Историческое наследие Крыма. 2004. № 5.
5. Звягинцев А.Г. История российской прокуратуры. Краткое изложение истории прокуратуры в лицах, событиях, документах / А.Г. Звягинцев. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. 416 с.
6. Звягинцев А.Г. Три века российской прокуратуры / А.Г. Звягинцев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 1 (27).
7. Пащенко В.Н. Судебные органы Крыма в конце XVIII–XX вв. / В.Н. Пащенко. Симферополь : ДИАИПИ, 2012. 368 с.
8. Редькіна О.М. Кримський крайовий уряд генерал-лейтенанта М. Сулькевича (червень — листопад 1918 р.): історико-правове дослідження : дис. ... канд. юрид. наук / О.М. Редькіна. Київ, 2003. 230 с.